Г. МЕНДЕ

ПУТЬ КАРЛА МАРКСА ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕМОКРАТА К КОММУНИСТУ

И * Л

Издательство

Иностранной

литературы

*

GEORG MENDE

KARL MARX' ENTWICKLUNG VOM REVOLUTIONÄREN DEMOKRATEN ZUM KOMMUNISTEN

Dietz Verlag Berlin
1955

ГЕОРГ МЕНДЕ

ПУТЬ КАРЛА МАРКСА *от революционного демократа к коммунисту*

Перевод с немецкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1957

АННОТАЦИЯ

Автор книги профессор Георг Менде — один из видных философов Германской Демократической Республики. «Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту» — исследование первого периода идейного развития К. Маркса (1837—1844 гг.).

Г. Менде в своем небольшом, но ценном труде широко анализирует многие документы, раскрывающие становление К. Маркса как коммуниста, теоретика и вождя революционно-освободительного движения пролетариата.

Редакция литературы по философии и психологии

Зав. редакцией кандидат философских наук В. А. МАЛИНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Сообщение о том, что Издательство иностранной литературы в Москве намерено издать на русском языке данную работу, меня очень обрадовало.

Если Германия является родиной Карла Маркса, то Россия — родиной Владимира Ильича Ленина и ничто так сильно не связывает народы России и Германии как марксизм-ленинизм. Но Марксу суждено было умереть вдали от своей родины, не дожив до нового общественного строя, которому он предначертал путь. Лишь тридцать четыре года спустя после смерти Маркса, революционные рабочие и крестьяне России под водительством Ленина и Коммунистической партии (большевиков) в ходе Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года заложили фундамент первого в мире социалистического государства — Советского Союза. А над Германией в 1933 году опустилась ночь фашизма, и в завершение всего германские империалистические убийцы и поджигатели развязали кровавую войну против Советского Союза. Но страна, занимающая одну шестую часть земного шара, стойко защищала дело марксизма-ленинизма, и сегодня к социалистическому лагерю принадлежит уже треть населения мира, в том числе и народ Германской Демократической Республики. Советский Союз заботливо направлял развитие духовного наследия Карла Маркса, умножил его и дал нам возможность в 1945 году, по прошествии горьких для нас, немцев, двенадцати лет, вернуть ему прежнее значение в самой Германии.

По решению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии 1953 год объявлен «годом памяти Карла Маркса», потому что на этот год падают две памятные даты, связанные с именем Карла Маркса: 14 марта 1953 года — 70-летие со дня смерти Карла Маркса и 5 мая 1953 года — 135-летие со дня его рождения.

В воззвании Центрального Комитета говорится, что марксизм является «огромным наследием и величайшим богатством германской нации», а поэтому памятные дни должны явиться поводом для того, чтобы ближе познакомить «всех немецких мужчин и женщин, в особенности немецкую молодежь» с жизнью и творчеством Карла Маркса. «Главная задача «года памяти Карла Маркса», — говорится в воззвании, — состоит в том, чтобы открыть немецкому народу глаза на всемирно-историческое значение деятельности этого великого сына немецкой нации и воспитать трудящиеся массы в духе непримиримой борьбы за социалистический общественный строй» [1]. Причем, главное состоит в том, чтобы не допустить при этом ревизионистских тенденций.

Данной работой автор хотел бы внести и свой вклад в это общее дело, предоставив слово фактам.

Из числа всех положенных в основу печатных работ Маркса она рассматривает те из них, которые относятся к тому периоду творчества Карла Маркса, когда происходило его развитие от революционного демократа к коммунисту, от идеалиста гегелевской школы к диалектическому материалисту.

Как учил Ленин, под марксизмом мы должны понимать «систему взглядов и учения Маркса». «Маркс явился, — говорится дальше у Ленина, — продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных тече-

---

[1] «Documente der Sozialistischen Einheits partei Deutschlands», Dietz Verlag, Berlin, 1954, S. 226, 227.

ний XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» [1].

В этой работе рассматривается преимущественно возникновение марксистской философии. Эти годы творчества Маркса мало известны. Если мы обратим внимание на период возникновения марксизма, то встанет вопрос, будет ли это отвечать идеям, выраженным в обращении Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии. Можно ли юношеский период развития Карла Маркса, период развития к коммунизму и диалектическому материализму, причислить к его живому наследию?

Относительно этого необходимо сказать следующее. Упомянутые годы творчества Маркса относятся ко времени, когда в Германии шла борьба за буржуазно-демократические свободы и учреждение буржуазного общества. В связи с этим рассматриваемые годы творчества Маркса приобретают решающее значение теперь, в момент нашей борьбы за единство независимого, демократического, миролюбивого германского отечества. Эти годы творчества Маркса показывают как раз, что уже ко времени, отстоящему от нас больше, чем на столетие, когда в Германии еще не был установлен буржуазный общественный порядок, передовые бойцы и защитники буржуазно-демократических свобод угадывались в пролетариате, а не в буржуазии. Благодаря выдающейся подлинно научной проницательности, опираясь на логику фактов, Карл Маркс сделал тогда вывод, что будущий буржуазный общественный строй Германии не сможет осуществить требование буржуазно-демократических свобод.

Вместе с тем опровергается и легенда о «юном» Марксе, который будто бы в своих ранних произведе-

[1] В. И. Ленин, Соч. т. 21, стр. 34.

ниях занимал, как утверждают иной раз, совсем другие, более «приемлемые» позиции, чем позже. Эта легенда является особенно дурной манерой игры правых социал-демократов, больше всего желающих искоренения марксизма.

«История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, — говорит Ленин, — что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации» [1].

В течение 1837—1844 годов юный Маркс овладел в прямо-таки энциклопедических масштабах достижениями мировой цивилизации, с самого начала на критической и революционной основе. Каждый этап, который он в ходе своего развития оставлял позади, был этапом, совершенным на основе предшествующего обоснования, этапом в принимающей все более острые формы полемике с буржуазной идеологией и идеализмом, был выработкой ответов на вопросы, которые не могли быть решены внутри буржуазного общества. Это должно было привести в конечном счете к разрыву со всем буржуазным образом жизни и мышления.

Но как раз этот разрыв с буржуазным мировоззрением свидетельствует о том, что здесь речь идет не о переломе в развитии самого Карла Маркса. «Юного» Маркса нельзя противопоставлять «зрелому» Марксу уже потому, что проблемы, к разрешению которых стремился юный Маркс, не выпадали из сферы тех проблем, которым Маркс отдавал все свои силы и способности до самой смерти. В противоположность всем другим буржуазным идеологам, Маркс (так же как и Энгельс), после того как он как бы перепробовал ряд решений определенных проблем, уже очень рано и потому своевременно, понял,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3.

что желаемая цель действительного разрешения этих проблем может быть достигнута только с позиций пролетариата и с помощью коренного революционного изменения научных принципов.

В основу данной работы положены произведения Карла Маркса и их истолкование. Она не содержит непосредственного исторического анализа. Это и приводит к тому, что некоторые важные точки зрения не рассматриваются. На это справедливо указал в своей рецензии Н. А. Шарыпов («Вопросы истории» 1956 г., № 7).

Ввиду того, что в книге слишком мало уделено внимания крёйцнахским выпискам 1843 года, возможно, здесь будет целесообразным сделать дополнительное замечание. Изучение истории, которым Карл Маркс занимался в Крёйцнахе в июле и августе 1843 года, помогло ему выработать точную научную основу для критического подхода к гегелевской философии права. Маркс не мог и не хотел ограничиться одной лишь имманентной критикой гегелевской системы, а искал опровержение, которое вытекало бы из самих конкретных примеров истории и политики. Причем, его внимание было сосредоточено на том элементарном политическом явлении, которое предопределяет политику буржуазного общества, — на классовой борьбе. Позднее, в письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года Маркс разъяснял, что не его заслугой является открытие существования «классов в современном обществе» и не он «открыл их борьбу между собой», что уже до него «историческое развитие этой борьбы классов» было описано буржуазными историками [1]. Но то, что Маркс обратил внимание на эти обстоятельства, и явилось причиной его перехода из рядов буржуазии в лагерь пролетариата. Когда Марксу стало ясно, что современное буржуазное общество расколото на два

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 433.

основных класса, которые ожесточенно борются друг с другом, он определил и свое место в этом обществе. Это знание он приобрел благодаря изучению истории в Крёйцнахе.

Вероятно, какой-нибудь читатель заметит отсутствие разбора «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Это связано главным образом с тем, что в настоящее время противники марксизма-ленинизма, обворовав эти рукописи, использовали аргументы, которыми оперировал Маркс, против самого же марксизма. Рассмотрение же связанной с этим проблематики выходит за рамки данной работы. Ее содержанием является в основном тот период в идейном развитии Карла Маркса, когда он самостоятельно совершил переход от революционного демократизма к коммунизму. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс уже осуществил мысли Энгельса, который также самостоятельно прошел путь развития от революционного демократизма до коммунизма.

Опыт моей преподавательской работы в университете также говорил мне о необходимости точно придерживаться марксовой формы изложения. Способ изложения материала в ранних произведениях Маркса представляет для понимания большие трудности. Это в значительной мере язык Гегеля. В результате этого легко возникают ошибки, которые могут затемнить понимание идейного развития Карла Маркса. Без хорошего знания работ, отражающих становление нового мировоззрения, путь Маркса к этому мировоззрению — к диалектическому материализму, был бы непонятен. Эта работа написана с целью пресечь все попытки половить рыбу в мутной воде и, с другой стороны, — дать основу всем честным исследователям.

Основное положение, которое при этом доказывается, следующее: философская эволюция Маркса представляет не просто переход от гегелевского идеализма к фейербаховскому материализму, не простое соединение диалекти-

ческого метода Гегеля и материализма Фейербаха. Революция в философском мышлении, которая здесь совершилась, выросла, напротив, из критической полемики с Гегелем, особенно в 1843—1844 годах, причем идеалистическая диалектика Гегеля была переработана до основания, и оставлено было только ее «рациональное зерно» [1]. За этим последовало, особенно в течение 1845—1846 годов, критическое объяснение с материализмом Фейербаха. При этом Маркс не покинул почвы материализма, а поднял материализм Фейербаха, который был непоследовательным и неполным, на более высокую ступень.

Только благодаря тому, что Карл Маркс порвал с буржуазным мировоззрением, он смог до конца остаться верным идеалам своей юности. В этом он является для нас ярким примером. Ничто не презирал он так, как фразы, поэтому он не цеплялся за слова и не позволял обмануть себя ими. Он шел к самой сути вещей.

Свое выпускное сочинение на тему: «Размышление юноши при выборе профессии» он заканчивает следующими словами:

«Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнёмся под её бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слёзы благородных людей» [2].

Эти слова стали памятником семнадцатилетнему юноше, потому что он выполнил то, что обещал тогда.

Но он смог сделать это только потому, что без компромиссов порвал со всеми идеалистическими предрас-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 19.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 5.

судками. Уча нас пониманию общественной практики, он указал также критерии, с которыми к ней надо подходить.

Высоко развевается сегодня над Германской Демократической Республикой знамя марксизма-ленинизма, и никому больше не удастся низвергнуть его.

Георг Менде.

Иена, февраль 1957 года.

ВВЕДЕНИЕ

Неуклонная последовательность идейного развития Карла Маркса заслуживает величайшего внимания. Само собой разумеется, что Маркс и Энгельс не сразу стали сложившимися научными социалистами.

«Учение... социализма, — говорил Ленин, — выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции» [1]. В начале своей деятельности Маркс и Энгельс застали не что иное, как буржуазные теории и, уже исходя из них, должны были впервые выработать новое, пролетарское мировоззрение. Их гениальность состояла в том, что они смогли это сделать.

Сталин указывал на то значение, которое приобрела Германия около середины прошлого столетия как центр революционного движения: «Германия была чревата тогда, так же как и Россия в начале XX столетия, буржуазной революцией. Маркс писал тогда в «Коммунистическом манифесте», что:

«На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции».

Иначе говоря, центр революционного движения перемещался в Германию.

[1] В. И. Ленин, Соч. т. 5, стр. 347.

Едва ли можно сомневаться в том, что это именно обстоятельство, отмеченное Марксом в приведённой цитате, послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами» [1].

В этой сталинской оценке показаны действительные причины, обусловившие развитие Маркса и Энгельса. Они стали творцами научного социализма, потому что освободились от всех буржуазных предрассудков и из приверженцев буржуазной революции превратились в приверженцев пролетарской революции.

Путь от революционного демократа к коммунисту, то есть путь от классовых позиций наиболее прогрессивной части буржуазии к классовым позициям пролетариата, каждый из них прошел самостоятельно. Когда в 1844 году Маркс и Энгельс встретились в Париже, они оба уже были коммунистами. С тех пор, в течение всей их дальнейшей жизни они были неразлучными друзьями, вместе разработали в 1844—1847 годах принципы научного социализма и основали Коммунистическую партию. В феврале 1848 года появился документ, свидетельствовавший о рождении научного социализма, — «Манифест Коммунистической партии».

В 1835 году Карл Маркс закончил школу, получив аттестат зрелости. В течение 1835—1836 годов он занимался юриспруденцией в Боннском университете, а в 1836 году перешел в Берлинский университет, где продолжал изучение права, но интерес его был уже сосредоточен главным образом на философии и истории. В течение 1839—1841 годов он пишет свою докторскую диссертацию, работу из области философии, которую защищает в 1841 году в Иенском университете. В 1841—1844 годы завершается его развитие от революционного демократа к коммунисту. С начала 1842 года он сотрудничает в «Рейнской газете», а в октябре 1842 года становится ее главным редактором. 17 марта 1843 года он вышел из редакции и в том же году переехал в Париж. В марте 1845 года в своей записной книжке под заголовком «1. к Фейербаху» он пишет свои знаменитые «Тезисы

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, Госполитиздат, изд. 11, стр. 7.

о Фейербахе», которые, как говорил Энгельс в предисловии к своей монографии «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», представляют «первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [1]. Под этим новым мировоззрением Энгельс подразумевал диалектический и исторический материализм.

Важнейшие вехи в развитии Маркса от семнадцати до двадцати семи лет становятся понятными только с точки зрения исторической взаимосвязи. Прежде всего следует назвать две даты, которые имели определяющее влияние на развитие Маркса, 1840 год и 1844 — год восстания силезских ткачей.

В своих письмах к редактору английской чартистской газеты «Northern Star» Энгельс характеризует политическую ситуацию в Германии с позиции 1846, вернее 1847 года:

«С 1834 до 1840 г. в Германии замерло всякое общественное движение. Деятели 1830 и 1834 гг. были либо в тюрьме, либо рассеяны в чужих краях, куда они спаслись бегством. Те, кто во время подъёма движения соблюдали свойственную буржуазии осторожность, продолжали бороться против растущей строгости цензуры и растущего равнодушия и безразличия буржуазии. Лидеры парламентской оппозиции продолжали ораторствовать в палатах, но правительства умели находить меры для обеспечения себе большинства голосов. Казалось, не было никакой возможности вызвать новый подъём общественного движения в Германии; правительства делали всё, что им заблагорассудится.

Во всех этих движениях буржуазия *Пруссии* не принимала почти *никакого участия*. Рабочие выражали своё недовольство в этой стране посредством многочисленных волнений, не имевших, однако, определённой цели, а следовательно не приведших к каким-либо результатам. Апатия пруссаков составляла главную силу Германского союза. Она показывала, что в Германии не настала ещё пора для общего движения буржуазии» [2].

«Рост буржуазии происходил почти незаметно вплоть до 1840 г., когда она сочла восшествие на престол нового

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, Госполитиздат, т. II, 1955, стр. 340.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 578—579.

короля подходящим моментом, чтобы показать, что в Пруссии кое-что изменилось с 1815 года. Нет необходимости напоминать о том, как успешно развивалось с тех пор движение буржуазии, как оно распространилось на все области королевства, так что в конце концов охватило всю буржуазию, значительную часть крестьянства и даже немало дворян. Представительный строй, свобода печати, гласное судопроизводство, несменяемость судей, суд присяжных — таковы были требования буржуазии»[1].

Поворот в политическом движении буржуазии, наступивший вслед за восшествием на престол Фридриха-Вильгельма IV, имел следствием не только основание «Рейнской газеты»; он наложил отпечаток уже на докторскую диссертацию Карла Маркса.

В работе Маркса и Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» так говорится о 1844 годе: «Если активное движение буржуазии датирует с 1840 г., то активное движение рабочего класса возвещает о себе бунтами силезских и богемских фабричных рабочих в 1844 г...»[2] Эта оценка, данная Марксом и Энгельсом в 1851 году, по сути дела повторяла те взгляды Маркса, которые были выражены им уже в 1844 году в острой полемике против Руге.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 32.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 21.

РАЗВИТИЕ МАРКСА К РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДЕМОКРАТУ

Среди сохранившихся документов 1835—1839 годов некоторые особенно важны для понимания идейного развития Карла Маркса. Это следующие документы:

а) выпускное сочинение,

б) некоторые стихотворения из сборника стихотворений 1837 г. и

в) письмо к отцу от 10 ноября 1837 г.

Выпускное сочинение (август 1835 года) [1]

Взятая для сочинения тема называлась: «Размышления юноши при выборе профессии». Сочинение юного Маркса, в котором он намеревался предначертать свои первые шаги в общественной жизни, значительно во многих отношениях.

Тема разрабатывается Марксом со страстным пафосом, но отнюдь не неприятно чрезмерным. Таким же сильным является стремление к уяснению выдвинутой проблемы. Искренне звучит глубоко нравственная серьезность, индивидуальное понимание трактуемых проблем.

Однако более значительным является то, что уже в этом сочинении ставятся проблемы, которые Маркс считал настолько важными, чтобы исследовать их в течение всей своей жизни.

Начало сочинения как раз и содержит набросок одной из таких проблем:

«Животному сама природа определила круг действий, в котором оно должно двигаться, и оно спокойно его за-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 1—5.

вершает, не стремясь выйти за его пределы, не подозревая даже о существовании какого-либо другого круга. Также и человеку божество указало общую цель — облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество».

Здесь с точки зрения деистического, буржуазно-просветительного понимания, которое Маркс получил в доме родителей и в школе, характеризуется определенная проблема. Маркс формулирует ее как задачу, решение которой зависит от выбора соответствующего положения в обществе. Проблема заключается в том, чтобы облагородить «человечество и самого себя», а для этого необходимо «изыскание средств». Между обществом и природой зияет непроходимая пропасть, они отделены друг от друга. Индивидуалистически рассматриваемый человек и индивидуализируемое животное сравниваются друг с другом. В отличие от животного человек обязан «изыскать средство» и выбрать соответствующее место в обществе, чтобы тем самым вести вперед «себя и общество».

Хотя границы выраженных здесь мыслей отмечены вехами традиционного буржуазного объяснения, оно, однако, выходит далеко за эти пределы. И все же оригинальность трактуемой проблемы состоит не столько в содержании, сколько во взятом тоне. Нерешенная еще до сих пор проблема звучит диссонансом, и юный Маркс со страстной серьезностью молодого человека, только еще выбирающего направление своего жизненного пути, обещает своей дальнейшей деятельностью, понимаемой как призвание, способствовать устранению этого диссонанса. При этом ему совершенно очевидно, что индивид и общество принадлежат друг другу. О более точных отношениях он, конечно, еще ничего не мог сказать. Но кое-что из дальнейшего ему все же уже понятно:

«Те профессии, которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами, наиболее опасны для юноши, у которого ещё нет твёрдых принципов, прочных и непоколебимых убеждений. Вместе с тем эти профессии кажутся нам самыми

возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления».

Какое брожение видно в этих словах и вместе с тем какая зрелая мудрость заложена в предостережении от пустой теории. Создается впечатление, как будто тетива лука уже натянута, но не до конца, и еще не вставлена нужная стрела. Все же нельзя не признать, что здесь сделана попытка найти единство теории и практики, пусть сначала это ограничивается только кругом индивидов, и что здесь Маркс, в частности, призывает к осмотрительности в отношении философии и других чисто теоретических профессий, которые «не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами».

Но наиболее удивительно то место, где страстному субъективному стремлению к «благу человечества», которое в то же время является «нашим собственным совершенствованием», противопоставлена холодная объективная действительность: «Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться ещё до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие». Найдено понятие, которое Маркс исследовал неустанно до самой смерти: «Наши отношения в обществе».

Эти отношения здесь, в выпускном сочинении, представляются так, как если бы они были непроходимой преградой, на которую субъективное стремление при известных условиях может натолкнуться и о которую оно может разбиться. Только позднее Маркс проник в общественную сущность человека и нашел подход к изменению этих отношений.

Некоторые стихотворения из сборника стихотворений 1837 года [1]

Поэзия не была сильной стороной Маркса. Ей противостоят его научные способности. Насколько сильна и выразительна, насколько гибка и полна образных сравне-

[1] MEGA, Erste Abteilung, Bd. I, 2. Halbbd., S. 4—58.

ний его проза, настолько же мало удавалась ему поэтическая форма изложения.

В своем издании литературного наследия Маркса и Энгельса Франц Меринг приводит одно место из письма Лауры Лафарг, второй дочери четы Марксов, где она пишет ему о своих впечатлениях: «Я должна Вам сказать, что отец мой относился к этим стихам с очень большим неуважением; всякий раз, как моим родителям случалось о них говорить, они от всей души смеялись над этими глупостями юношеских лет» [1].

Сам Маркс в письме к отцу от 10 ноября 1837 года весьма критически отзывался о своем занятии стихами: «Всё действительное расплылось, а всё расплывающееся лишено каких-либо границ. Нападки на современность, неопределённые, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, также некоторая теплота чувства и жажда смелого полёта...» [2] Здесь Маркс ссылается на три тетради стихов, которые он послал своей невесте, Женни фон Вестфален, в 1836 году.

Сохранился сборник стихотворений, который Маркс послал своему отцу в 1837 году, к его 55-летию. Они во многом похожи на первые.

Сборник содержит несколько стихотворений; стремясь сохранить их критическое содержание, Маркс был невнимателен к их поэтическим недостаткам. Они содержат оценку эпохи, современников и самого себя и вовсе не кажутся нам таким уж «сочинительством из головы». Озаглавлены они «Эпиграммы»:

В кресле своем, покойно глупая,
Молча сидит немецкая публика.
Буря ревет и там и тут,
Небо становится темным и мутным,
Молнии небо зигзагами жгут,
Но это не трогает публику.
Но только ветер тучи размечет,
Только выглянет солнце навстречу,

[1] Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx und Friedrich Engels, 1841 bis 1850, I Bd., Berlin und Stuttgart, 1923, S 25—26.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 7.

Сразу поднимется шум и гам,
И книги пишут: прошел ураган.
Начинают об этом мудрствовать,
Основу вещей желают постичь.
Но это так ни на что не похоже,
И небо шутит странно тоже,
Нужно все привести в систему —
Голову потереть сначала, а ноги затем уж,
Как дитя, начинают вертеться,
Ищут то, что давно уже сгнило.
Меж тем изучать настоящее надо,
Оставив двигаться небо и землю
Привычным их ходом,
И волнам позволить плескаться о скалы.

Другая эпиграмма также критикует пустое и бесплодное теоретизирование и застой в политическом движении:

Однажды немцы поднялись,
Чтобы добыть для народа свободу,
А теперь, когда это прошло,
На каждом углу увидишь одно:
Удивительным было бы делом
Ходить на трех ногах человеку.
Теперь начинают об этом жалеть,
Стыдятся за свой порыв.
Не слишком ли много случилось сразу,
Не лучше ль идти прилично, спокойно.
О другом пусть пишут книги,
И покупатель найдется достойный.

Это, конечно, были атаки, носившие чисто негативный характер.

Особый интерес представляют четыре эпиграммы, которые Маркс объединил под одним заголовком: «*Гегель. Эпиграммы*». Они показывают, что тогда Гегель не имел еще никакого значения для Маркса. Во второй из этих эпиграмм в уста Гегеля, между прочим, вложен малолестный для него приговор:

Слову учу я, ввергнутому в демонически
запутанное движение,
И каждый думает тогда так, как ему
нравится.

Это очевидный отказ от гегелевской неясности. Как видно из письма Маркса к отцу от 10 ноября 1837 года, он изучил «отрывки гегелевской философии», но ему совсем не понравилась ее «причудливая дикая мелодия» [1].

Маркс изучал также Канта и Фихте и уже полемизировал с ними, о чем говорит замечание в том же письме. Ни с одним из трех названных философов он не был согласен.

Поэтому в третьей эпиграмме он проделал с Гегелем шутку. Если бы эта эпиграмма не стояла под названием, определенно указывающим на Гегеля, никто, вероятно, и не увидел бы в ней намека на него. Высказанная в ней критика Гегеля спрятана под шутливой иронией. Она гласит:

Кант и Фихте охотно блуждают в эфире,
Жадно там ищут далекие страны,
Я же хочу познавать только дельное,
То, что я нахожу на улице.

Речь здесь идет о Канте и Фихте, имя же «Гегель» в этой эпиграмме о Гегеле не названо. Можно ли под «я» понимать Гегеля, как ведущее разговор лицо? Но разве Гегель хотел понять то, что он «нашел на улице»? Именно от этого он отстранялся и не раз подчеркивал, что философия должна заниматься не обыденными делами, а Идеей.

Итак, как же понимать эту эпиграмму?

Несомненно, что Маркс, когда он это писал, не признавал Канта, Фихте, а также и Гегеля. Кант и Фихте искали слишком «далекие страны», Гегель казался ему, как свидетельствует вторая из эпиграмм, путаным и неясным. Маркс не мог быть в дружбе с такого рода спекулятивной философией Между отдельными направлениями немецкой идеалистической философии он не видел принципиального различия. Но самим Гегелем особенно подчеркивалась противоположность его собственной, гегелевской, философии и философии Канта и Фихте, о чем без сомнения Маркс знал. Из этой утверждаемой самим Гегелем противоположности между его объективным идеализмом с оптимистической теорией познания и субъективным идеализмом Канта и Фихте (а также агности-

[1] К. Маркс, Из ранних произведений, стр. 12.

цизмом в теории познания Канта) Маркс и исходил, вероятно, и намеревался дать формулировку этой противоположности. Но рациональное зерно гегелевской диалектики он не видел; сначала, хотя и недолго, до его перехода в лагерь гегельянства, у него преобладает критическое отношение к Гегелю, и он не мог противопоставить Канту и Фихте положительную сторону учения Гегеля.

Посмотрим, каков же смысл упомянутых рассуждений: «Кант и Фихте охотно блуждают в эфире...» Здесь Маркс единодушен с Гегелем. Собственно говоря, здесь должна бы последовать положительная характеристика Гегеля: «Я же хочу познавать только дельное, то, что я...» — и здесь Маркс останавливается. Ибо он не видел у Гегеля положительного. Чтобы противопоставить отрицательной стороне спекулятивного образа мыслей Канта и Фихте нечто положительное, ему не хватает, вероятно, достаточно сильного выражения, после того как он остро критикует Гегеля в первой и второй эпиграммах.

Марксу казалось, что Гегель не дал все же ничего существенно нового по сравнению с Кантом и Фихте, а только облек все в несравнимо более непонятную и запутанную форму.

Положительную характеристику в противовес этим спекуляциям мог дать только сам Маркс, и он дал ее, превратив тайно субъект предложения, ведущий разговор, «Я», под которым сначала подразумевался Гегель, в «Я», под которым подразумевался он сам.

Таким образом, в конце эпиграммы наряду с пренебрежением к Гегелю, который не дал ничего лучшего по сравнению с Кантом и Фихте, Маркс откровенно высказал свое собственное мнение о том, где надо искать материал для философии: «На улице».

Сквозь эту шутку звучит здоровое чувство действительности, которое обнаруживается уже в выпускном сочинении при указании на «отношения». Стремление Маркса к подлинной, объективной науке очевидно.

Письмо отцу от 10 ноября 1837 года [1]

Это письмо, на которое мы уже неоднократно ссылались, имеет неоценимое значение для понимания идейно-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 6—16.

го развития Маркса, так как в нем речь идет о событии, решающий характер которого глубоко волновал самого Маркса. Маркс писал своему отцу, что он вступил на почву гегелевской диалектики, и о путях, которые его к этому привели.

Верный изложенному уже в выпускном сочинении намерению выбрать профессию, «основанную на идеях, в истинности которых мы совершенно уверены» [1], Маркс стремился подвести под свое изучение юриспруденции философскую основу: «Я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии». Он попытался изложить философию права, но потерпел крушение: «В заключительной части материального частного права я заметил ложность всей системы, которая, в основной своей схеме, соприкасается со схемой Канта, совершенно отличаясь от неё по выполнению. Снова для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперёд».

Но он был настойчив, хотя давалось ему это отнюдь не легко: «Таким образом, я мог с чистой совестью снова кинуться в её (философии.— *Г. М.*) объятия, и я написал новую метафизическую систему принципов, в конце которой опять-таки вынужден был убедиться в непригодности как этой системы, так и всех моих прежних попыток».

Это неутомимое, упорное проникновение в философские воззрения в итоге привело к определенному признанию: «От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питая его из этого источника, — я перешёл к тому, чтобы искать идею в самой действительности».

Это, конечно, не было, как могло бы показаться, отходом от идеализма, так как теперь Маркс перешел только на позиции гегельянства, а идеализм Гегеля в том как раз и заключался, чтобы показать «идею в самой действительности».

Маркс, изучивший Канта, Фихте, Шеллинга и частично Гегеля, не был сначала увлечен последним, как об этом уже упоминалось: «Я уже раньше читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась её причудливая дикая мелодия». Теперь, после того как он дваж-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 4.

ды тщетно пытался внести ясность в свои философские воззрения, он предпринял третью попытку: «Я захотел ещё раз погрузиться в море, но с определённым намерением — убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная; я не хотел больше заниматься фехтовальным искусством, а хотел испытать чистоту перлов при свете солнца».

Результатом этого был диалог «почти в 24 листа: «Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии»... Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы, и эта работа... стоила мне огромных умственных усилий... Это моё любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага (а именно Гегеля! — *Г. М.*)». Маркс пришел к тому, чего раньше не желал ни при каких обстоятельствах.

Теперь он читал Гегеля «от начала до конца, а также работы большинства его учеников» и познакомился с кругом берлинских гегельянцев. Маркс и сам стал гегельянцем.

Как объяснить то обстоятельство, что Маркс, который всеми фибрами своего существа противился идеализму, устремился в объятия именно гегелевского идеализма?

Что же вообще понимал тогда Маркс под идеализмом?

О своих поэтических опытах он, например, писал отцу: «Для того состояния духа, в котором я тогда находился, лирическая поэзия должна была стать первой темой, — по крайней мере самой приятной и близкой. Однако она была чисто идеалистической; причиной этому было моё состояние и всё моё прежнее развитие. Моё небо, моё искусство стали чем-то столь же далёким и потусторонним, как и моя любовь». Эту фразу надо воспринимать критически в такой мере, как это и подразумевается. Свое «состояние», свое «прежнее развитие», и в связи с этим свое «состояние духа» Маркс неодобрительно отмечает в качестве причин идеалистического содержания своих стихотворений.

Его «состояние духа» определяла также его любовь к Женни фон Вестфален, его будущей жене и подруге жизни, с которой он в тайне от ее родителей был обру-

чен. Чувство к возлюбленной, живущей в Трире, не могло образовать предмет его критики.

Другой причиной был домашний и уединенный характер всей его жизни: «Приехав в Берлин, я порвал все прежние знакомства, неохотно сделал несколько визитов и попытался погрузиться в науку и искусство».

Тот факт, что такой живой, страстно интересующийся общественной жизнью молодой человек, каким был Маркс, мог превратиться в домоседа, погруженного в самого себя, имеет причиной общую обстановку в Германии, и в частности в Пруссии. Энгельс, как уже говорилось, характеризовал эту обстановку следующим образом: «С 1834 до 1840 г. в Германии замерло всякое общественное движение»[1]. Эта застывшая общественная жизнь имела решающее влияние на «состояние духа» Маркса. Маркс не мог спокойно реагировать на это. Он боролся с влиянием этой затхлой атмосферы.

За неимением партии, к которой он мог бы присоединиться, его оппозиция против существующего положения выражалась чисто негативно. Это очень ясно показывают две первые приведенные эпиграммы[2]. Но самокритичность Маркса показывает, что он не удовлетворялся этим.

Он не пытался искать выхода в субъективном идеализме, который был взлелеян главным образом Фихте, и до известной степени Кантом. Этот субъективный идеализм, несостоятельность и опасность которого Маркс так своевременно обнаружил, ни в коей мере не были присущи его прежнему развитию.

Маркс порвал со своим «прежним развитием» в отношении религии, от которой он освободился окончательно. По поводу религиозного сочинения семнадцатилетнего выпускника на тему «Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна, гл. 15, ст. 1—14, его сущность, безусловная необходимость и оказанное им влияние» учитель религии, проверявший его, сделал замечание, говорящее о многом: «Богатое мыслями, блестящее и сильное изложение, заслуживающее похвалы, хотя сущность единения, о котором идет речь, не указана, причина его затронута только с *одной* (курсив мой. — *Г. М.*) стороны, а необходимость его — недостаточно полно»[3]. Обозначив-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 578.

[2] См. стр. 20—21 данной книги.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 425.

шийся здесь процесс начавшегося освобождения от религии достиг между тем конца, как об этом свидетельствует письмо к отцу.

Теперь можно ответить на вопрос, что понимал тогда Маркс под идеализмом. Помимо субъективного идеализма, он подразумевал под ним как веру в христианский потусторонний мир, так и буржуазно-просветительский деизм:

«Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов...

Если прежде боги жили над землёй, то теперь они стали центром её».

Этих новых «богов» Маркс обозначил выражением, взятым у буржуазного просвещения. Он назвал их «разумом»:

«...здесь нужно внимательно всматриваться в самый объект в его развитии, и никакие произвольные подразделения не должны быть привносимы; разум самой вещи должен здесь развёртываться как нечто в себе противоречивое и находить в себе своё единство», и в том же смысле: «...я рассматриваю жизнь вообще, а именно как выражение духовного деяния, проявляющего себя всесторонне — в науке, искусстве, частной жизни».

Поэтому Маркс признал себя сторонником прогрессивной в то время системы немецкой философии, гегелевской системы. «Разум вещи», понимаемый как «нечто в себе противоречивое», и жизнь, рассматриваемая как «выражение духовного деяния», и по форме выражения и по содержанию свидетельствуют о гегельянстве.

Таким образом, Маркс угадал тогда сущность идеализма только частично, хотя он откровенно стремился освободиться от него совсем. Представляя эту еще не ясную оппозицию, он первоначально совершенно отрицательно относился к Гегелю. Но все же в конце концов он стал гегельянцем.

Притягательная сила гегелевской философии вообще была очень велика. Хотя прошло уже пять лет после смерти Гегеля, его философия имела еще господствующее влияние в Берлинском университете, куда в 1836 году Маркс перешел из Боннского университета. Но сила ее воздействия не ограничивалась Берлином, а распространялась по всей Германии и за ее пределами. В сороковых годах она дискутировалась в кругу русских революцион-

ных демократов Герценом и Белинским. Герцен назвал ее «алгеброй революции» [1].

Фридрих Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» показал, в чем различие системы и метода гегелевской философии и почему за «педантически-темными словами» [2] немецкого профессора скрывалась революция. Сталин в работе «Анархизм или социализм?» делает вывод, что «Гегель не был революционером» [3], но он вместе с тем ставит вопрос: «Почему же нельзя признать тот факт, что, несмотря на консерватизм Гегеля, ему, Гегелю, удалось разработать научный метод, именуемый диалектическим?» [4]

Диалектический метод явился революционным содержанием гегелевской философии, той стороной реакционной системы взглядов, которая могла быть развита дальше.

Своеобразный характер этой философии отражал особенности исторического развития Германии.

Отличительным признаком развития Германии была ее отсталость по сравнению с Англией и Францией. Не было немецкого национального государства, промышленность была недостаточно развитой, буржуазия — малочисленной и распыленной, в соответствии с этим и рабочий класс в политическом отношении стоял позади рабочего класса Англии и Франции. Философское выражение этого немецкого ничтожества дал Кант в своей «Критике практического разума». Маркс и Энгельс писали об этом в «Немецкой идеологии» в 1845—1846 гг.: «В то время как французская буржуазия посредством колоссальнейшей из известных в истории революций достигла господства и завоевала европейский континент, в то время как политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала промышленность и подчинила себе Индию политически, а весь остальной мир коммерчески, — в это время бессильные немецкие бюргеры дошли только до «доброй воли». Кант успокоился на одной лишь «доброй воле», даже если она остаётся совершенно безрезультатной, и перенёс *осуществление* этой доброй воли,

---

[1] А. И. Герцен, Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1948, т. II, стр. 185.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 341.

[3] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 302.

[4] Там же, стр. 303.

гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов, в *потусторонний мир*. Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров, мелочные интересы которых никогда не были способны развиться до общих, национальных интересов класса и которые поэтому постоянно эксплуатировались буржуазией всех остальных наций»[1].

Этим питалась тогда «противоположность между действительным и должным, которая присуща идеализму», как писал Маркс в письме отцу.

Гегель не остановился на «доброй воле» Канта, а занял позицию «духовного деяния». Хотя эта позиция была не менее идеалистической, все же она означала прогресс. Философия Гегеля глубже отражала противоречие между нарождающейся буржуазной революцией и аполитичным поведением немецкой буржуазии; философия Гегеля, как отметил Ленин, «идея универсального движения и изменения (1813, Логика) угадана до ее применения к жизни и к обществу»[2]. Революционный характер этой философии заключался в ее диалектическом методе, последовательность которого состояла, как утверждал Энгельс, в том, что «философия Гегеля раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия. Истина, которую должна была познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложа руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину»[3].

Философия, заключавшая в себе такие выводы, должна была привлечь к себе внимание прогрессивных буржуаз-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 182.

[2] В. И. Ленин, «Философские тетради», Госполитиздат, 1947, стр. 116.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 343.

ных кругов. Это революционное содержание привело к Гегелю и Маркса.

Его отношение к Гегелю с самого начала не было догматическим. Он исследовал его основательно в течение многих лет. Маркс был полон решимости отвергнуть идеализм, под которым он понимал все чуждые действительности теории. Поэтому его усвоение гегелевской философии, которая, с одной стороны, была отражением немецкой действительности, а с другой — даже забегала вперед, о чем еще будет сказано, не могло быть делом одного мгновения и не могло произойти без интенсивной критической полемики.

Маркс как раз начал переход к гегелевской философии, когда писал отцу: «Благодаря частым встречам с друзьями в Штралове я попал в «Докторский клуб», среди членов которого было несколько приват-доцентов и ближайший из моих берлинских друзей, доктор Рутенберг. Здесь обнаружились в спорах различные, противоположные друг другу взгляды, и всё крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией, влияния которой я думал избежать; но все звуки утихли, меня охватило настоящее неистовство иронии, что́ легко могло случиться после того, как столь многое подверглось отрицанию».

То, что совершался решающий поворот в его жизни, видел и сам Маркс. Об этом говорит первая фраза его письма к отцу: «Бывают в жизни моменты, которые являются как бы пограничной чертой для истекшего периода времени, но которые, вместе с тем, с определённостью указывают на новое направление жизни».

Эти строки звучат как предчувствие того, что собственный процесс развития должен рассматриваться как достигнутая к этому времени, но не последняя ступень.

МАРКС — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ

Докторская диссертация (1839—1841)[1]

Докторская диссертация является уже теоретическим выражением революционного демократизма Маркса.

Маркс говорит в ней о различии между натурфилософией Эпикура и Демокрита. К работе было добавлено приложение, в котором Маркс критиковал необоснованную полемику Плутарха против Эпикура. Маркс писал свою диссертацию с начала 1839 года до марта 1841 года. Исключительно богаты мыслями были подготовительные рукописи, часть которых сохранилась, а также некоторые примечания. В апреле 1841 года Маркс представил работу на философский факультет Иенского университета, и 15 апреля 1841 года ему было присвоено звание доктора философии.

Как отметил Ленин, в этой диссертации Маркс по своим взглядам «был еще тогда гегельянцем-идеалистом»[2]. Но независимо от этого выбранная им тема диссертации, по сути дела, не имела ничего общего с его гегельянством. Гегель не питал ни малейшей симпатии к великим материалистам античного рабовладельческого общества — Демокриту и Эпикуру, довольно быстро покончил с ними и совершенно неправильно их истолковал. Ленин в «Философских тетрадях»[3] показал это вплоть до мельчайших подробностей. Ленин дает следующую оценку приемам исследования Гегеля: «Невыносим идеалисту дух материализма!»[4]

Маркс, напротив, не относился так нетерпимо к «духу материализма». Первоначально он задумал разобрать

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 17—98.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 30.

[3] В. И. Ленин, «Философские тетради», стр. 250 и 271—277.

[4] Там же, стр. 250.

«цикл эпикурейской, стоической и скептической философии в их связи со всем греческим спекулятивным мышлением», ибо «взгляд Гегеля на то, что он называл спекулятивным par excellence» *, не позволял «признать за указанными системами их высокое значение для истории греческой философии и для греческого духа вообще»; в соответствии с этим Маркс смотрел на свою диссертацию как на «предвестника более обширного сочинения», которое так и осталось ненаписанным.

При всем глубоком уважении Маркса к Гегелю и несмотря на то, что он присоединялся к его идеалистическо-диалектическому методу и терминологии, отношение Маркса к Гегелю отнюдь не было некритическим. Так как определяющим здесь являлся объективно-научный интерес, то с самого начала его отношение не было догматическим и принципиально отличалось поэтому от установки всей остальной гегелевской школы.

Это видно из пространного и важного примечания, в котором Маркс подробно высказал свое мнение о Гегеле и его учениках.

В этом примечании Маркс разбирает многие связанные между собой проблемы, а именно:

отношение Гегеля к его собственной философии,
отношение учеников Гегеля к философии Гегеля,
отношение философии к самой себе,
отношение философии к действительности и
основы раскола гегелевской школы на два направления.

Рассматривая все эти вопросы, Маркс высказывает свое понимание философии Гегеля и философии вообще, и это делает данное примечание исключительно важным для нас.

В нем уже в зародыше подготавливается та критика Гегеля, которая потом, как развитие начатого здесь, предстанет в завершенном виде во введении к «Критике гегелевской философии права».

Будучи гегельянцем, Маркс в то же время сохранял свое собственное, самостоятельное мнение и относился к гегелевской философии отнюдь не рабски и не слепо.

Маркс заметил, что Гегель обнаружил «односторонность». Основу такой «односторонности», а также «той

---

* По преимуществу.— *Ред.*

или иной явной непоследовательности» Маркс видит «в недостаточности принципа или в недостаточном понимании философом своего принципа». Эти односторонности и непоследовательности «не осознаются» самим философом, ибо он находится в «непосредственном» отношении к своей философии. Все же нельзя забывать, что для Гегеля наука «не была чем-то полученным в готовом виде, а ещё только создавалась». Только так можно понять тот факт, что метод Гегеля имел преимущества перед его системой.

Маркс выступает против учеников Гегеля, потому что они недостаточно приняли это во внимание. Он обвинял их в том, что они прежде «с восторгом повторяли все его односторонности, как это можно со всей очевидностью доказать им примерами из их собственных произведений», теперь же они «борются против своего прежнего состояния, приписывая его Гегелю», хотя они стоят не в «непосредственном», как Гегель, а «в рефлектированном» отношении к своей системе, так что они могли бы с самого начала избежать его ошибок.

Для Маркса философия Гегеля была только исходным пунктом, поскольку для него философия вообще находилась в постоянном развитии.

Поэтому он обозначил поведение гегелевской школы как «нефилософское направление» и видел в этом «нефилософском направлении» признак начавшегося выхода за пределы гегелевской философии: «Я, впрочем, рассматриваю это нефилософское направление значительной части гегелевской школы как явление, которое всегда будет сопровождать переход от дисциплины к свободе».

Следовательно, развитие философии не было завершено ни Гегелем, ни кем-либо из его учеников.

Вслед за этим Маркс рассматривает саму философию и ее функции с определенной стороны, а именно «*чисто объективно,* как непосредственное осуществление философии». Он широко пользуется выражением «осуществление» философии с целью преодоления пропасти между «действительным и должным».

Тем самым началась разработка проблематики, которую Маркс окончательно закончил только во введении «К критике гегелевской философии права».

В диссертации проблема отношения между теорией и практикой представляется ему пока еще очень ограничен-

но, как «психологическая» проблема: «Таков психологический закон, что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как *воля* из царства теней Амента, обращается против земной, существующей помимо него действительности».

Материалистическое ядро этого утверждения очевидно, ибо если «воля», соответственно «теоретический дух», «обращается против земной, существующей помимо него действительности», то речь при этом идет о действительности, существующей независимо и вне познающего субъекта.

Но так как философия и действительность рассматриваются здесь у Маркса еще отдельно друг от друга, так как Маркс не мог объяснить философию из действительности, материализм остается неполным. Хотя сама действительность характеризуется материалистически, однако в определении отношения философии к действительности виден еще идеализм.

Для истории философии предлагается здесь нечто очень интересное. Естественный и, в соответствии с оговоренными условиями, механистический материализм соединяется с идеалистической диалектикой Гегеля. Уже с начала этого соединения оказывается, что простое сложение этих двух философских направлений не может способствовать решению затронутой проблемы.

Философия опять отбрасывается действительностью к самой себе: «Однако сама *практика* философии *теоретична*». Но под «практикой» понималась вместе с тем «критика»: «Именно *критика* определяет меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности — по её идее». В этом состоит, по Марксу, «*непосредственное осуществление* философии».

Маркс утверждает далее: «Однако это *непосредственное осуществление* философии по своей внутренней сущности полно противоречий...», философская система «низводится до абстрактной целостности». Отношение философской системы «к миру есть отношение рефлексии. Одушевлённая стремлением осуществить себя, она вступает в напряжённое отношение к остальному. Внутренняя самоудовлетворённость и замкнутость нарушены».

Но для Маркса немыслимо отбросить философию в сферу действия чисто теоретического: «То, что было внутренним светом, превращается в пожирающее пламя,

обращённое наружу». При этом философия и мир растворяются друг в друге: «Таким образом, в результате получается, что в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской, что её осуществление есть вместе с тем её потеря, что то, против чего она борется вне себя, есть её собственный внутренний недостаток»; с другой стороны — такое обоюдное растворение невозможно. Таким образом, по существу опять не дается решения проблемы: «что именно в борьбе она сама впадает в те ошибки, против которых она и борется, и что, лишь впадая в эти ошибки, она уничтожает их».

Из нарисованной Марксом картины видно, что для него мир и философия не могли быть приведены в соответствие друг с другом. Философия, очевидно, не соответствует миру, поскольку осуществление философии было «ее потерей», а не ее приобретением и поскольку философское становление мира не устраняло в мире существующих недостатков.

Так как философия и мир, соответственно действительность, непримиримы здесь по отношению друг к другу, ибо Маркс еще не знал, как можно объяснить философию из действительности, то так называемая объективная сторона философии и ее «*субъективная* сторона» стояли у него разрозненно, одна около другой.

Под субъективной стороной философии Маркс понимал «*отношение* осуществляющейся *философской системы к её духовным носителям...*» Поскольку объективная и субъективная стороны, теория и практика философии не связаны тесно друг с другом, в этом находит выражение, как говорил Маркс, всегда присущее *«обоюдоострое требование:* одно остриё направлено против мира, другое — против самой философии».

Однако обращает на себя внимание то, что Маркс не рассматривал описанные им такого рода отношения как незыблемые. Это вытекает из того, что он ставил перед философами и тем самым также перед самим собой следующую задачу: «Освобождая мир от внефилософского состояния, они в то же время освобождают самих себя от философии, которая в качестве определённой системы держала их в оковах». Таким образом, согласно Марксу, философия находится в процессе своего собственного развития и не может быть понята иначе, как освобождающаяся от той системы, под которой в первую очередь

подразумевалась гегелевская система, которая ее «держала... в оковах».

В этой связи также очевидно, что дальнейшее развитие, избранное Марксом, не означало разрыва, а было направлено на решение выдвинутых здесь проблем, которые не могли быть решены ни с каких имевшихся к тому времени философских позиций.

Бесспорно, что отношение философии к действительности представляет основной вопрос самой философии.

В условиях того времени Маркс продвинулся так далеко, насколько это вообще было возможно, и сделал то, чего не смог сделать никто другой из младогегельянцев.

Маркс различал два направления в философии, и это различие было очень значительно. Хотя о разделении гегелевской школы на левых и правых гегельянцев говорил уже в 1837 году Давид Фридрих Штраус в своих полемических сочинениях, однако у Маркса это деление носит более общий характер, чем у Штрауса. Маркс определил эти два направления в философии как *«позитивную философию»* и *«либеральную* партию». «Действие» *«позитивной философии»* состояло в «попытке философствовать», следовательно, в «уходе философии в себя»; «действие» *«либеральной* партии» заключалось в том, что она держалась за «понятие и принцип философии» и занималась «критикой», следовательно, оно заключалось в «обращении философии вовне». Так как Маркс полагал, что оба эти направления, из которых возможность «реального прогресса» он признавал «содержанием» либеральной партии, вытекают из сущности философии, то путь к превращению критики из теоретической в практическую, то есть путь к преодолению точки зрения либеральной партии, надо искать в «понятии» и «принципе» философии. Но это было задачей будущего. А пока еще он причислял себя к либеральной партии.

О философах, которые пытались поставить себя вне этих двух направлений, Маркс говорил: «Понятно, что кроме того появляется откуда-то ещё масса второстепенных, назойливых, лишённых всякой индивидуальности фигур. Одни из них прячутся за спиной какого-нибудь философского великана прошлого; но вскоре из-под львиной шкуры становится виден осёл, жалкой пародией звучит плаксивый голос какого-нибудь новоиспечённого манекена в сравнении, например, с могучим, оглашавшим

целые столетия, голосом Аристотеля, непрошенным органом которого этот манекен себя сделал; это напоминает немого, который захотел бы заменить недостаток речи огромным рупором. Или же какой-нибудь вооружённый двойными очками лилипут, стоя на минимальной точке posterius'a великана, с удивлением возвещает миру, какой поразительно новый горизонт открывается с этой его точки зрения, и делает смешные усилия доказать, что не в бурных порывах сердца, а в той плотной, массивной основе, на которой он стоит, найдена точка Архимеда, ποῦ στῶ, та точка опоры, на которой держится мир. Так появляются философы волос, ногтей, пальцев, экскрементов и тому подобные субъекты, которые должны представлять ещё худшие места в мистическом мировом человеке Сведенборга. Однако по существу своему все эти слизняки достаются на долю обоим упомянутым направлениям, входя в них как в свою стихию».

Эта полная, острая и критическая оценка философов-современников — как тех, кто непосредственно принадлежал к школе Гегеля, так и не принадлежавших к ней — была вызвана обострением борьбы, которое принес с собой 1840 год. Продолжавшееся с 1830 до 1840 год исключительное господство гегелевской философии, «эта победа по всей линии была лишь прологом междоусобной войны» [1], — писал Энгельс в 1886 году. Об этой междоусобной войне говорят все примечания. Идеологическая полемика внутри гегелевской школы была не чем иным, как выражением борьбы между консерватизмом и революционным демократизмом в области политики.

Маркс в этой борьбе с самого начала присоединился к позиции левого крыла. Он пытался создать и развить философию, соответствующую революционному движению, в которой были бы согласованы теория и практика.

Маркс высказал свои мысли и о задачах философской историографии; находясь еще под влиянием Гегеля, он, с другой стороны, стремится освободиться от этого влияния: «Задача философской историографии заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 346.

ещё менее в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям. История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий и диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя. Она должна отделить бесшумно подвигающегося вперёд крота подлинного философского значения от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта, которое является вместилищем и двигательной силой этих рассуждений. В разделении этого сознания должны быть прослежены как раз его единство и взаимообусловленность. Этот *критический момент* при изложении философской системы, имеющей историческое значение, безусловно необходим для того, чтобы привести научное изложение системы в связь с её историческим существованием, — в связь, которую нельзя игнорировать именно потому, что это существование является историческим. Но в то же время она должна быть утверждена и как философская связь, — следовательно, должна быть развёрнута в соответствии со своей сущностью. Всего менее можно, основываясь только на авторитете и на искренней вере, признавать, что та или иная философия действительно является философией, — хотя бы этим авторитетом являлся целый народ и эта вера существовала в течение веков. Доказательство может быть дано лишь путём раскрытия существа этой философии; кроме того, каждый, кто пишет историю философии, различает существенное и несущественное, изложение и содержание; в противном случае ему приходилось бы только списывать, вряд ли даже приходилось бы переводить; ещё менее того он мог бы сказать своё слово или что-либо вычеркнуть и т. п. Он был бы лишь переписчиком копий.

Наоборот, вопрос следует формулировать так: каким образом в систему включаются понятия о личности, мудреце, боге, и каковы специфические определения этих понятий, как они развиваются из системы?» [1]

Здесь Маркс не только впервые указал на то, что история философии должна рассматриваться в качестве

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 211—212.

истории развития философии как науки, но он также осудил и тот метод, который под именем «феноменологии» был воскрешен в век империализма. Философия представляет собой «бесшумно подвигающегося вперёд крота подлинного философского значения», а не «многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта».

Когда Маркс писал свою докторскую диссертацию, он был атеистом. «Доказательства бытия бога представляют собой не что иное, как *пустые тавтологии,* — например, онтологическое доказательство сводится к следующему: «То, что я действительно (реально) представляю себе, есть для меня действительное представление», — это действует на меня, и в этом смысле *все боги,* как языческие, так и христианские, обладали действительным существованием. Разве не властвовал древний Молох? Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков? Здесь даже критика Канта ничего поделать не может. Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление не есть для него произвольное, субъективное представление, если он верит в него, — то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных. Он, например, будет делать долги на основании своей фантазии, он будет *действовать так, как действовало все человечество, делая долги за счет своих богов.* Наоборот. пример, приводимый Кантом, мог бы подкрепить онтологическое доказательство. Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей? Привези бумажные деньги в страну, где не знают этого употребления бумаги, и всякий будет смеяться над твоим субъективным представлением. Приди со своими богами в страну, где признают других богов, и тебе докажут, что ты находишься во власти фантазий и абстракций. И справедливо. Если бы кто-нибудь принёс древним грекам какого-либо вендского бога, то он нашёл бы доказательство несуществования этого бога. Ибо для греков он не существовал. *Чем какая-нибудь определённая страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще — областью, где его существование прекращается».*

Сама диссертация содержала обстоятельное исследование двух материалистических систем Демокрита и Эпикура, причем гегелевское понятие «самосознания» играло центральную роль. Главное достоинство диссертации состоит в том, что из груды искажающих и порочных интерпретаций и клеветы, принадлежащих особенно Цицерону и Плутарху, Маркс выкристаллизовал оригинальные взгляды Демокрита и Эпикура. В этом отношении данная работа до настоящего времени сохраняет свое научное значение.

Маркс, примыкая еще к гегелевской школе, значительно опередил всех гегельянцев. Проблемы, к решению которых он стремился, были сформулированы более научно, он по существу и обстоятельно рассматривал их. Постановкой вопроса об осуществлении философии и об отношении между осуществлением философии и ее представителями был сделан важный шаг в решении проблемы отношения теории и практики.

В сочинении «Вопрос централизации» (1842 год), которое осталось незаконченным, показывается, насколько правильная формулировка вопроса важна для ответа: «Как решение алгебраического уравнения уже дано, когда задача поставлена в ее наиболее ясных и точных соотношениях, точно так же можно ответить на любой вопрос, когда он представляет собой *действительный* вопрос. Сама мировая история не обладает другим методом, кроме того, как отвечать на старые вопросы постановкой новых вопросов...» [1]

Вопрос об отношении между теорией и практикой в условиях 1840 года еще не мог быть поставлен в его «наиболее ясных и точных соотношениях», это был вопрос, который только еще прояснялся для самого Маркса. Но в той мере, в какой он раскрывался Марксу, приближалась возможность ответа на него, пока, наконец, Маркс не дал на него ответ.

«Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (начало 1842 года) [2]

По окончании обучения Маркс намеревался избрать университетскую карьеру. Для своей деятельности он вы-

[1] MEGA, Erste Abteilung, Bd. I, 1 Halbbd., S. 230.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 3—27.

брал Боннский университет. С 1839 года там был приват-доцентом Бруно Бауэр, с которым он познакомился в «Докторском клубе». В письме от 28 марта 1841 года Бруно Бауэр подробно ознакомил его с теми формальностями, которые требовались факультетом от Маркса, чтобы получить должность приват-доцента, поскольку он получил степень доктора в иностранном университете (Иена была для Пруссии иностранным городом).

Надежды, которые друзья Маркса возлагали на его способности, были очень большими. Эта его репутация была известна далеко за пределами узкого круга друзей, что видно из письма, которое Мозес Гесс направил 2 сентября 1841 года из Кельна Бертольду Ауэрбаху. Его заключительная часть гласит:

«Ты обрадуешься, познакомившись с человеком, который теперь также принадлежит к нашим друзьям, хотя он живет в Бонне, где скоро будет читать лекции.

Это явление, которое на меня произвело импозантное впечатление, хотя я сражаюсь как раз на том же поле битвы; короче, приготовься познакомиться с самым крупным, возможно, *единственным* из живущих теперь *настоящих философов,* который впредь где бы ни выступил публично (в сочинениях или на кафедре) обратит на себя взоры Германии. Он поднимается, и по направлению и по философскому образу мыслей, не только над Штраусом, но и над Фейербахом, а последнее говорит о многом. Если бы я мог быть в Бонне, когда он будет читать логику, я был бы его самым прилежным слушателем. Я всегда желал иметь такого человека учителем философии. Только теперь я понимаю, каким неискусным был я в настоящей философии. Но довольно! Теперь я тоже научусь еще чему-нибудь!

Доктор Маркс, так зовут моего идола, еще совсем молодой человек (самое большее около 24 лет), который нанес последний удар средневековой религии и политике, он соединяет глубочайшую философскую серьезность и яркое остроумие; соедини Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля в *одном* лице — я говорю *соедини,* а не *смешай* — перед тобой предстанет доктор Маркс» [1].

---

[1] «Erinnerungen an Karl Marx», Dietz Verlag, Berlin, 1953, S. 111—112

Между тем Марксу было отказано в поступлении в доцентуру. Вновь начавшееся в 1840 году движение буржуазии вызвало также усилившееся повсюду сопротивление со стороны прусского правительства и приверженных ему кругов против любого прогрессивного действия, особенно против левого направления гегелевской философии. Бруно Бауэр в 1841 году был изгнан из университета. «Athenäum», берлинский литературный еженедельник, в котором после отъезда Маркса из Берлина сотрудничал Фридрих Энгельс, в конце 1841 года был запрещен. Арнольд Руге вынужден был прекратить издание «Hallisehe Jahrbücher», выходившего с 1838 до 1840 года.

Но вместо закрывшихся журналов выходили новые. Руге уехал из Галле в Дрезден и издавал там в течение 1841—1842 годов, до тех пор, пока это было возможно, «Deutsche Jahrbücher». После этого он участвовал в издании сборника «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики».

Требование свободы печати было одним из центральных требований движения буржуазии.

10 января 1842 года прусское правительство издало цензурную инструкцию, в которой призывало цензоров печати «к точному соблюдению статьи 2-й указа о цензуре от 18 октября 1819 года».

Эта цензурная инструкция была поводом для «Заметок о новейшей прусской цензурной инструкции», которые Маркс написал начиная с середины января до февраля 1842 года, но опубликованы они были только в феврале 1843 года в сборнике «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики».

Он подписал статью не своим именем, а псевдонимом — «Житель Рейнской провинции», как делал потом неоднократно.

Этот псевдоним для автора имел программное значение. Под ним подразумевалась противоположность в уровне развития Рейнской провинции по сравнению с остальной Пруссией. Когда в 1815 году Рейнская провинция была объединена с Пруссией, в ней благодаря мероприятиям Наполеона феодальные отношения были разрушены основательно. Окрепла крупная буржуазия, так как путь для развития тяжелой индустрии, которая прежде всего охватила горнодобывающую промышленность и металлургию, был свободен. Текстильная промышленность также

сильно шагнула вперед. Настроение крупной рейнской буржуазии хорошо выразил кельнский банкир Шаафгаузэн: «Do hürode mer awwer in een arme Familje!»[1] Но эта фамилия, с которой породнилась Рейнская провинция, была не только бедной, но и тиранической, в ней властвовал юнкер, буржуазия же оставалась отстраненной от государственных дел.

Эта противоположность в политическом отношении рейнской крупной буржуазии и восточно-эльбского юнкерства сделала Рейнскую провинцию бастионом буржуазно-демократических требований.

Маркс участвовал в этой борьбе на левом крыле буржуазного движения. В своих «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» он выступил против цензуры в печати.

Прусская цензурная инструкция от 10 января 1842 года, как показал Маркс в своей статье, усиливала, по существу, указ о цензуре от 18 октября 1819 года.

«Чтобы *уже теперь* освободить печать от неуместных ограничений, не соответствующих высочайшим видам, его величество король высочайшим указом королевскому министерству от 10 сего месяца соизволил выразить решительное неодобрение всяким неподобающим стеснениям литературной деятельности, и, признавая значение и необходимость честной и благонамеренной публицистики, соблаговолил уполномочить нас вновь призвать цензоров к точному соблюдению статьи 2-й указа о цензуре от 18 октября 1819 года».

— гласило введение цензурной инструкции.

В своей полемике Маркс убедительно раскрыл лживое лицемерие этой инструкции. Он исходил из факта, что новый призыв к соблюдению статьи 2-й старого указа о цензуре доказывает, что принятые там положения не соблюдались. «Говорит ли это *против закона* или *против цензоров?*» — спрашивает Маркс. Если дело в цензорах, говорит он дальше, то это «служило бы доказательством того, что в самой сущности цензуры кроется какой-то коренной порок, которого не исправит никакой закон». Но если дело, как и нужно принять, не в цензорах, а в самом законе, «зачем в таком случае вновь призывать его на помощь для борьбы против того зла, которое он сам же и породил?»

Двумя вопросами Маркс логически разрушил все построения цензурной инструкции. Хотя он и не читал в

[1] Ricarda Huch «1848—Die Revolution des 19. Jahrhunderts in Deutschland», S. 97.

Боннском университете курс логики, но отнюдь не оставил ее, и теперь прусскому правительству пришлось прослушать публичную лекцию по логике. Он применил логику к практическим вопросам политики, сделал ее отточенным оружием в политической борьбе, начав тем самым проверку философской теории практикой общественной жизни.

Отличительной особенностью логики Маркса является то, что он понимает ее не формально, не как каталог правил решения, а как средство проверки сделанных высказываний при их осуществлении в жизни.

Другая особенность логики Маркса состоит в том, что он никогда не исследовал вещи только с одной стороны, а подвергал их всегда всестороннему анализу.

Упомянутую статью 2-ю он также подверг основательному рассмотрению: «По этому закону, а именно по статье 2-й, цензура не должна препятствовать серьёзному и скромному исследованию истины, не должна подвергать писателей неподобающим стеснениям, не должна мешать свободному обращению книг на книжном рынке».

И здесь текст закона создает обманчивое впечатление, не соответствующее его выводам.

«Скромное» исследование истины, полагает Маркс, выражает только боязнь истины. «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеётся, исследование должно быть серьёзным, а когда предмет тягостен, исследование должно быть скромным? Вы, стало быть, нарушаете право объекта так же, как вы нарушаете право субъекта. Вы понимаете истину абстрактно и превращаете дух в *судебного следователя,* который сухо её *протоколирует*».

Мы назвали бы теперь, и этому нас учат классики марксизма-ленинизма, такое протоколирование абстрактной истины, о котором идет здесь речь у Маркса, метафизическим исследованием, рассуждение же о том, что метод исследования согласуется с предметом исследования, назвали бы диалектическим исследованием.

Противоположность обоих способов рассмотрения Маркс формулирует в заключении, которое раскрывает

закон, предписывающий метафизический подход:

«*Закон* ставит *ударение* не на истине, а на скромности и серьёзности. Итак, всё здесь наводит на размышления — всё то, что говорится о серьёзности, скромности и прежде всего об истине, за неопределённой широтой которой скрывается очень определённая, очень сомнительного свойства истина». Эта «сомнительного свойства» истина стоит и на стороне законодателя, потому что печать может показать правительство и положение вещей в благоприятном свете, и на стороне буржуазного движения, потому что тот же самый закон дает возможность подавить истину.

Другие постановления законодателя также не выдерживают тщательной проверки. Так, к примеру, редакторами ежедневной прессы должны быть только такие люди, «научные способности, положение и характер которых служат гарантией серьёзности их стремлений и лойяльности их образа мыслей». Маркс замечает при этом: «*Общее* требование научных способностей, — как это *либерально*! *Частное* требование положения, — как это *нелиберально!* Научные способности и положение, взятые вместе, — как это мнимо-либерально!»

Результаты исследования Маркс кратко выразил в определенной оценке прусской системы правления. «Если бы *деспотическое государство* захотело быть лойяльным, то оно уничтожило бы само себя. Каждая точка подвергалась бы одинаковому принуждению и оказывала бы одинаковое противодействие. Высшая цензура должна была бы, в свою очередь, подвергнуться цензуре. Чтобы избежать этого порочного круга, решаются быть нелойяльными, и вот на третьей или девяносто девятой ступени открывается простор для беззакония. Но бюрократическое государство, которое всё же смутно сознаёт это отношение, старается, по крайней мере, так высоко поставить сферу беззакония, чтобы оно скрылось из виду, и думает тогда, что беззаконие исчезло».

«Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом»
(начало 1842 года) [1]

В «Неизданном» содержался еще один небольшой реферат Маркса, свидетельствующий о том большом впе-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 28—29.

чатлении, которое, как показал Энгельс, произвело опубликование в 1841 году «Сущности христианства» Людвига Фейербаха. «Воодушевление было всеобщим: все мы сразу стали фейербахианцами» [1], — говорит он в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

В этой работе Энгельс подробно исследует процесс и причины раскола гегелевской школы. Гегелевская философия давала простор для «самых различных практических партийных воззрений», но «практическое значение имели в тогдашней теоретической жизни Германии прежде всего две вещи: религия и политика» [2]. Исходившие из гегелевской системы могли быть и в той и в другой областях консерваторами; наоборот, те, которые придерживались гегелевского метода и в области религии и в области политики находились в оппозиции к господствующим консервативным воззрениям. «К концу 30-х годов раскол в его школе становился все более и более заметным» [3]. «...Философски-пренебрежительное отношение к жгучим вопросам дня», которое характеризовало до сих пор левое крыло, уступило место решительной «борьбе с правоверными пиэтистами и феодальными реакционерами», и «когда в 1840 г. правоверное ханжество и феодально-абсолютистская реакция вступили на престол в лице Фридриха-Вильгельма IV, пришлось открыто стать на сторону той или другой партии» [4].

Происшедшая перемена представляла резкий контраст к периоду 1819—1830 годов, «времени строгого соблюдения цензуры», как писал об этом периоде Маркс в «Рейнской газете». «Единственная область литературы,— писал Маркс о том времени, — в которой тогда ещё билась живая жизнь, — *область философской мысли,* — перестала говорить по-немецки, потому что немецкий язык перестал быть языком мысли. Дух говорил непонятным, мистическим языком, ибо нельзя уже было говорить в понятных словах о том, понимание чего запрещалось» [5].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 348.
[2] Там же, стр. 347.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 39.

В борьбе, которую вели младогегельянцы после 1840 года, язык стал понятнее, но философия от этого не отошла на задний план. Она только перестала быть абстрактной, ее целью было «уничтожение унаследованной религии и существующего государства» [1]. Но главным образом она развернулась в области религии. Так, первый представитель младогегельянства в этой области Давид Фридрих Штраус пишет свою «Жизнь Иисуса» (1835). В дальнейшем среди младогегельянцев возникает спор о понимании чудес. Штраус, как пишет об этом Энгельс, выдвинул мнение, что рассказы о чудесах возникли «путем бессознательного, основанного на традиции создания мифов в недрах общины» [2], Фейербах, напротив, как излагает Маркс, считает их реализацией «естественного, т. е. человеческого, желания сверхъестественным способом». Маркс становится на сторону Фейербаха: «...нет для вас иного пути к *истине* и *свободе,* как только *через огненный поток.* Фейербах — это *чистилище* нашего времени».

«Рейнская газета» (1842—1843)[3]

Стремление младогегельянцев к критике религии и существующего государства соответствовало интересам определенных кругов рейнской буржуазии. Группа рейнских промышленников и купцов основала и финансировала «Рейнскую газету по вопросам политики, торговли и промышленности», которая начала выходить с 1 января 1842 года. Она издавалась в Кельне, ее редакторы и сотрудники являлись младогегельянцами. Газета должна была служить противовесом «Kölnische Zeitung», которая представляла крайнюю католическую точку зрения и выступала против капиталистического развития в Рейнской провинции. Политические передовицы «Kölnische Zeitung» Маркс как-то назвал «мудрым и изысканным средством внушить читателю отвращение к политике, дабы он с тем большей страстностью устремился в полное жизненной

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 347.

[2] Там же, стр. 347—348.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 30—218; «Из ранних произведений», стр. 216—239.

свежести, предпринимательски-кипучее, подчас утончённо-пикантное царство объявлений...»

Сначала Маркс являлся сотрудником «Рейнской газеты», а с 15 октября 1842 года стал ее редактором. Это значительно улучшило дела газеты, так как круг ее подписчиков с тех пор значительно увеличился.

В своих статьях Маркс поднимал различные актуальные вопросы. Круг вопросов, с которыми он соприкасался во время своей деятельности в «Рейнской газете», охватывал в основном все вопросы, которые имели значение для тогдашней политической жизни. Занятие этими вопросами заметно расширяло его кругозор. Так как «Рейнская газета», то есть сама печать, была средством борьбы за свободу печати, то его литературная деятельность была непосредственно практической, а не просто касалась практики. Маркс не политиканствовал в «Рейнской газете»; каждая его статья была составной частью политической борьбы, главными требованиями которой были свобода печати, народное представительство, контролируемое и экономное финансовое хозяйство, то есть буржуазно-демократические требования. Для Маркса печать — «идеальный мир, который непрерывно бьёт ключом из реальной действительности и в виде всё возрастающего богатства духа обратно вливается в неё животворящим потоком». Печать была для него подходящим средством для создания общественного мнения, которое формируется на основе существующих отношений и ориентируется на них, но не согласуется, а борется с ними. Поэтому в тех статьях Маркса, которые касались тематически, по-видимому, только свободы печати, трактовались многие другие проблемы. Они принадлежали к жгучим вопросам дня, которые должны были обсуждаться и защищаться, для чего безусловно необходима была свобода печати.

Деятельность Маркса в «Рейнской газете» оценил Ленин: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» [1].

Первая статья Маркса была помещена в номере от 5 мая 1842 года, она начинала серию статей, которые критически разбирали проводимые в рейнском ландтаге «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 63.

сословного собрания». Маркс не присутствовал на самих заседаниях, так как они не были публичными, он взял материал для своей статьи из протоколов отчета о заседаниях.

В тесной связи с обеими темами, которые дискутировались в сословном собрании Рейнской провинции, а именно в связи с вопросом о свободе печати вообще и с вопросом о том, должны ли публиковаться в печати протоколы ландтага в частности, обсуждался и ряд других вопросов. Их изложение в трактовке Маркса давало возможность увидеть подавленную, отсталую государственную жизнь провинции. Обнаружилось, что представители сословий вообще не имеют никакой связи с народом. Дело не только в том, что их собрания происходили при закрытых дверях, а в том, что они не интересовались действительными желаниями и требованиями населения. Казалось, что общественные потребности для них не существуют. «Политическое собрание в истинном смысле этого слова, — пишет Маркс, — может процветать только под верховным покровительством *общественного духа,* как всё живое — под благотворным действием *свободного притока воздуха».*

Частный вопрос о том, должны ли публиковаться протоколы ландтага в связи с этими обстоятельствами перерастал в общий вопрос о сущности представительства провинции: «Мы имеем здесь перед собой удивительное зрелище, отражающее, может быть, самую суть ландтага: провинции приходится бороться не столько через своих представителей, сколько против них». Но народное представительство, которое не представляет интересы народа, не имеет права на жизнь, тем более, что правительство также не заботится об интересах народа:

«Здесь речь идёт о том, должна ли провинция *знать своё представительство* или нет! Должно ли к таинству правительства присоединиться ещё и новое таинство — представительства? Но так народ представлен и в правительстве. Новое представительство народа в лице сословного собрания было бы, следовательно, лишено всякого смысла, если бы специфический характер этого представительства не заключался именно в том, что здесь не другие действуют за провинцию, а, напротив, действует она сама; не другие представительствуют вместо неё, а она сама себя представляет. Представительство, суще-

ствующее оторванно от сознания представляемых, не есть представительство. О чём не знаешь, о том и не тужишь. Бессмысленное противоречие состоит здесь в том, что функция государства, преимущественно выражающая собой *самодеятельность* отдельных провинций, оказывается совершенно изъятой из сферы даже их *формального* содействия — их *осведомлённости;* это бессмысленное противоречие состоит в том, что моя самодеятельность заключается в неизвестной мне деятельности другого». Отказ самого ландтага опубликовать протоколы заседаний Маркс считал отнюдь не главным вопросом, а только предварительным условием для решения главного вопроса, ибо «осведомленность» могла быть только «формальным» сотрудничеством. Ландтаг должен отвечать требованиям дня: «Провинция, напротив, требует, чтобы слова представителей сословий превратились в публичный, повсюду слышный, голос страны».

Что же касается этого предварительного условия, «осведомленности», то Маркс приложил все старания, чтобы с помощью обширного, опирающегося на цитаты, обстоятельного описания дискуссии противодействовать объявленному отклонению проекта об опубликовании протоколов собраний. Для него речь шла не об отдельном, а о принципиальном вопросе:

«Мы, признаться, давно уже придерживаемся такого мнения, что *парламентская свобода* находится ещё в самом зачаточном состоянии...»

То, что Марксу, отстаивавшему необходимость свободной, не подвергаемой цензуре печати, приходилось полемизировать не только с такими заклятыми врагами свободы печати, как представители княжеского и дворянского сословий, но также и с представителями городского сословия, разрушало его иллюзии. Это подало ему повод для замечания: «Как бы наш читатель ни устал от этой «технической сноровки» (*«Писать и говорить — дело технической сноровки»,* — провозгласил представитель дворянского сословия. — *Г. М.*), мы всё же должны ради полноты дать место, после княжеского и дворянского сословий, словоизвержениям *городского сословия,* направленным *против* свободы печати. Здесь перед нами оппозиция буржуа, а не гражданина» (Разрядка моя. — *Г. М.*). Под «буржуа» Маркс, очевидно, понимал нереволюционного, а под «гражданином» — революционного

бюргера. Его надежды на буржуазию как вождя революционного движения уже начали колебаться. Результаты сотрудничества с ней отнюдь не ободряли его. Защитников свободы печати в ландтаге Маркс упрекал в том, что у них нет «*никакого действительного отношения* к их подзащитному. Они никогда не знали свободу печати как *насущую потребность*». Они никогда не знали свободу печати как «насущную потребность», потому что они не были революционерами и не предпринимали ничего, чтобы сделать свободу печати реальностью. «Упомянутые защитники свободы печати, повидимому, наслаждаются полнотой жизни и при отсутствии свободы печати»,— иронизировал Маркс. «По своему среднему *нормальному типу защитники свободы печати* на шестом рейнском ландтаге отличаются от её *противников* не по своей сущности, а только по своей направленности. В лице одних — *сословная* ограниченность борется против печати, в лице других — та же ограниченность защищает её. Одни хотят привилегии только для правительства, другие хотят распределить её между многими лицами; одни хотят полной цензуры, другие — половину её, одни три восьмых свободы печати, другие не хотят никакой. Избави меня бог от моих друзей!»

Только на речи докладчиков о проекте и некоторых представителей крестьянского сословия не распространялась эта оценка Маркса. «Если для какого-нибудь народа, — сказал один из представителей крестьянского сословия, что одобрительно процитировал Маркс, — особенно пригодна свобода печати, то это именно для спокойного, добродушного немецкого народа, скорее нуждающегося в будоражении, которое выводило бы его из флегматичного состояния, чем в духовных тисках цензуры».

Итогом всех дебатов о печати, как установил Маркс, было колебание «между намеренной закоснелостью привилегии и естественным бессилием половинчатого либерализма».

Мы еще не сказали о том, что Маркс рассматривал бюргерство как сословие, вернее, как класс, состоящий в большинстве своем из «буржуа», а не из «граждан»; это было вызвано тем, что немецкое бюргерство в результате общего поступательного развития находилось уже между двумя фронтами — феодальным и пролетарским. О том, что Маркс считал систему сословий устаревшей, он гово-

рит в более поздней статье «О сословных комиссиях в Пруссии» (декабрь 1842 года): «Автор статьи не исследует далее, выражает ли различие сословий, предполагаемое в разбираемом институте, — если даже принять это различие, — характерные черты сословий прошлого или же сословий настоящего. Вместо этого он рассуждает о сословном различии вообще. Это различие, по его мнению, нельзя искоренить, «как нельзя уничтожить существующее в природе различие элементов и привести всё к хаотическому единству». Нашему автору можно было бы ответить: подобно тому как никому не придёт в голову уничтожить различие элементов природы и привести всё к хаотическому единству, так никто не думает и об *искоренении* различий сословий; но в то же время от нашего автора можно было бы потребовать, чтобы он занялся более глубоким изучением природы и от первого чувственного восприятия различных элементов поднялся до разумного восприятия органической жизни природы. Вместо призрака хаотического единства перед ним предстал бы дух живого единства. Даже элементы не остаются в состоянии спокойной разъединённости. Они непрерывно превращаются друг в друга, и уж одно это превращение образует первую ступень физической жизни земли, метеорологический процесс, тогда как в живом организме совершенно исчезает всякий след различных элементов как таковых. Различие заключается здесь уже не в раздельном существовании различных элементов, а в живом движении отличных друг от друга функций, которые все одушевлены одной и той же жизнью. Таким образом, само их различие не предшествует в готовом виде этой жизни, а, напротив, само непрестанно вытекает из неё самой и столь же постоянно исчезает и парализуется в ней». Этот отрывок отчетливо свидетельствует о том, что Маркс пытался понять исторический процесс в его движении и изменении. Уже здесь он заложил фундамент развитого им позднее вместе с Энгельсом исторического материализма.

С самого начала революционер Маркс понимал, что общество развивается благодаря деятельности самих людей:

«Свобода печати также мало *вызывает* «меняющееся положение вещей», как подзорная труба астронома — неустанное движение мировой системы».

Маркс был тесно связан со всей политической жизнью,

в которую он вошел. Обилие вопросов, относящихся к положению не только в Рейнской провинции, но и в Пруссии и во всей Германии с ее «таможенными запретами и кордонами», сравнение этих областей с гораздо более передовыми странами — Англией, Францией, а также с Голландией или Швейцарией имело следствием еще более последовательное и более революционное применение логики. Связь с практикой проявлялась еще сильнее, чем прежде. Маркс не пугался обширных подробностей, чтобы доказать, что определенное высказывание или утверждение влечет за собой вполне определенное, практическое последствие или что определенное высказывание или утверждение не может согласоваться с действительными отношениями. Его выводы стали еще более проницательными, чем в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции», так как речь шла о действительно проводимых дебатах и о реальной политической подготовке будущей борьбы.

Представителю княжеского сословия, который утверждал, что простой факт существования цензуры уже достаточен, чтобы опровергнуть требование свободы печати, Маркс с иронией отвечает:

«Разве узаконенное крепостное состояние не являлось фактическим доказательством против рационалистической выдумки, что человеческое тело не есть объект пользования и владения? Разве первобытно-грубая пытка не опровергала пустую теорию о том, что кровопусканием не обнаруживается истина, что растягивание позвоночника на лестнице для пыток не лишает человека стойкости, что судорога боли не есть признание?

Факт существования цензуры, по мнению оратора, опровергает свободу печати; и это фактически верно, это — истина, настолько связанная с известным фактом, что топография в состоянии установить её пределы, — за определёнными шлагбаумами она перестаёт быть фактической и истинной».

Причем, Маркс вовсе не придерживался мнения, что в других странах положение может быть названо совершенным: «Французская печать отнюдь не слишком свободна, — она недостаточно свободна».

Особенно резко Маркс выступал против оратора от дворянского сословия, который взывал против свободы печати, ссылаясь на несовершенство человека.

«Если незрелость человеческого рода, — возражает ему Маркс, — есть мистический довод против свободы печати, то цензура, во всяком случае, — в высшей степени реальное средство против зрелости рода человеческого.

Всё, что развивается, — несовершенно. Развитие кончается только со смертью. В таком случае было бы весьма последовательно прикончить человека, дабы избавить его от этого состояния несовершенства. Так, по крайней мере, рассуждает оратор, желая прикончить свободу печати. Для него настоящее воспитание состоит в том, чтобы держать человека всю жизнь в пелёнках, — ибо, учась ходить, человек учится и падать, и, только падая, он учится ходить. Но если мы все будем оставаться в пелёнках, то кто же будет нас пеленать? Если мы все будем лежать в колыбели, то кто же будет нас качать? Если мы все будем арестантами, то кто же будет тюремщиком?

Человек по природе своей несовершенен как в отдельности, так и в массе. De principiis non est disputandum *. Пусть так! Но что из этого следует? Рассуждения нашего оратора несовершенны, правительства несовершенны, ландтаги несовершенны, свобода печати несовершенна, всякая сфера человеческого существования несовершенна. Если, следовательно, хоть одна из них не должна существовать в силу этого несовершенства, то выходит, что нет среди них ни одной, которая имела бы право существовать, выходит, что человек вообще не имеет права на существование.

Если предположить принципиальное несовершенство человека — допустим на минуту, что это так, — тогда мы относительно всех человеческих учреждений заранее знаем, что они несовершенны. На эту тему, стало быть, нечего распространяться, это не говорит ни за них, ни против них, это не их *специфический характер,* не их отличительный признак.

Почему среди всех этих несовершенств именно свободная печать должна быть совершенной? Почему несовершенное сословное собрание требует совершенной прессы?

Несовершенное нуждается в воспитании. Но разве воспитание не есть человеческое дело, следовательно, несовершенное дело? Разве воспитание не нуждается само в воспитании?

---

* О принципах не спорят.— *Ред.*

Но если даже допустить, что всё человеческое в силу *того уже, что оно существует,* несовершенно, то разве отсюда следует, что мы должны всё свалить в одну кучу, всё чтить одинаково высоко — добро и зло, истину и ложь? Единственно верный вывод из этого заключается в следующем: подобно тому, как при рассматривании картины необходимо оставить то место, с которого на картине видны только пятна, а не краски, только беспорядочно переплетающиеся линии, а не рисунок, — подобно этому необходимо оставить и ту точку зрения, с которой мир и человеческие отношения видны только с их внешней стороны. Необходимо признать эту точку зрения негодной для суждения о ценности вещей, — может ли служить мне основой для правильного суждения и различения такой взгляд на мир, который сводится к плоскому представлению о том, что всё существующее несовершенно? Эта точка зрения есть самое несовершенное из всех несовершенств, которые она только и видит вокруг себя».

Маркс продолжал критический разбор рассуждений этого оратора, который нуждался как раз в таком возражении. Среди прочего оратор утверждал, что свобода является злом. Но что такое свобода? — спрашивает Маркс: «Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право». Как из этого следует, Маркс понимал свободу не абстрактно. «Вопрос в том.., — пишет он относительно свободы печати, — не имеет ли «свобода духа» больше прав, чем «свободы, направленные против духа»?» В таком случае цензура и подцензурная печать были бы также не чем иным, как выражением особой свободы. Но на чем бы это основывалось? Разве что на божественном откровении? «Но *английская история* достаточно ясно показала, как идея божественного откровения свыше порождает противоположную идею о божественном откровении снизу: Карл I взошёл на эшафот благодаря божественному откровению снизу».

Несколько позже, чтобы сделать мысль более понятной, Маркс выразил ее еще яснее: «Оратору не везёт по части сравнений. Он впадает в поэтическую экзальтацию, когда описывает всемогущество зла. Мы уже слышали,

что голос добра, будучи слишком трезвым, бессилен против *пения сирен зла.* А теперь зло превратилось в *греческий огонь* («...злое слово подобно *греческому огню,* которого ничем не остановить...; его действия не поддаются предвидению...», — говорил оратор от дворянского сословия. — *Г. М.*), — для истины же оратор не находит никакого образного сравнения. Если бы мы хотели облечь в какое-нибудь сравнение его «трезвые» слова, то мы должны были бы уподобить истину в лучшем случае кремню, из которого выбиваются тем более яркие искры, чем сильнее по нему ударяют. Прекрасным аргументом для торговцев невольниками служит утверждение, будто ударами хлыста они пробуждают в негре его человеческую природу; превосходное правило для законодателя — объяснять издание репрессивных законов против истины тем обстоятельством, что при них-де истина смелее преследует свою цель. Оратор, повидимому, только тогда начинает питать уважение к истине, когда она становится *первобытно-грубой* и для каждого *осязаемой.* Чем больше плотин вы ставите на пути истине, тем более основательную истину вы и получите! Итак, побольше плотин!»

Кроме того, и к критике Маркс начал подходить уже практически. О начале этого нового понимания критики говорится в том месте, где он обращается к прошлому, к периоду 1819—1830 годов. Он говорил: «Для Германии, пожалуй, было бы выгоднее всего, если бы критике удалось доказать, что этот период никогда не существовал». Но этот способ, конечно, не подходил, и это Марксу, само собой разумеется, также было ясно. Невозможно задним числом заставить историю идти иначе, чем это происходило. Однако выраженная здесь мысль подсказывает нам сделать поворот во времени, чтобы критику, относящуюся к прошедшему и настоящему, принимая во внимание еще не наступившее будущее, превратить в практическую. Позднее Маркс выработал также теорию подобной практической критики, которая заставила бы будущее совершаться иначе, чем это могло быть без нее.

«Рейнская газета» часто вступала в споры с другими газетами, иногда она со всей силой обрушивалась на них, иногда ей самой приходилось отражать атаки и защищаться. Особенно ожесточенным стал спор по поводу изданного в конце декабря 1942 года декрета о запреще-

нии в пределах Пруссии «Leipziger Allgemeine Zeitung». На «Рейнскую газету» посыпалась клевета со стороны трех крупных газет — «Kölnische Zeitung», «Augsburger Allgemeine Zeitung» и «Rhein- und Mosel- Zeitung»,— так как она протестовала против запрета прогрессивной среднегерманской газеты. Очевидно, писал тогда Маркс, «для немецких газет должно существовать только французское, английское, турецкое, испанское время, но не должно существовать немецкое время, а только *немецкое безвременье*. Но разве, — пишет он дальше, — не заслуживают, напротив, похвалы — и именно похвалы *с точки зрения государства* — те газеты, которые отрывают от *заграницы* и завоёвывают для *отечества* всё то внимание, весь тот лихорадочный интерес и всё то драматическое напряжение, которые сопровождают всякий *процесс становления* и прежде всего *процесс становления современной истории*! Допустим даже, что эти газеты пробуждают недовольство, озлобление! Но ведь они будят *немецкое* недовольство, *немецкое* озлобление, ведь всё же они возвращают государству отвернувшиеся от него умы, хотя бы на первых порах они вернули эти умы возбуждёнными и озлобленными! И возбудили они не только недовольство и озлобление, возбудили они также опасения и надежды, радость и скорбь, они, прежде всего, пробудили живой *интерес* к государству, сделали государство *близким сердцу, родным делом* его граждан. Вместо Петербурга, Лондона, Парижа они сделали Берлин, Дрезден, Ганновер центрами политического кругозора немцев, а это является более славным подвигом, чем перенесение мировой столицы из Рима в Византию».

Еще продолжительнее была полемика с «Kölnische Zeitung» в связи с атаками, которые этот листок направил против младогегельянцев. «Kölnische Zeitung» жаловалась на цензоров за то, что они применяли цензуру «слишком слабо». Не ограничивая *«свободы научного исследования»,* необходимо было «строго» различать между тем, «чего требует свобода научного исследования, от которого само христианство может только выиграть, и тем, что лежит за пределами научного исследования». Против этого уравнивания христианства и государства и утверждения, что религия образует основу государства, а также против тезиса о христианском государстве и выступил Маркс: «Не гибель древних религий повлекла за со-

бой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий». Но в эти проблемы должна вмешаться философия, она «говорит о религиозных и философских предметах иначе, чем говорили об этом вы. Вы говорите об этих предметах, не изучив их; она же говорит о них после их изучения; вы обращаетесь к чувству, она обращается к разуму; вы проклинаете, она учит; вы обещаете небо и весь мир, она не обещает ничего, кроме истины; вы требуете веры в вашу веру, она... требует проверки сомнений...»

Но это не относится к той философии, которая смотрит «на нашу общественную жизнь с высот философских позиций». В статье, которую Маркс набросал в рукописи, но не напечатал, он намеревался выступить даже против «Рейнской газеты», а именно, против статьи «Германия и Франция в связи с вопросом о централизации», которая была написана Мозесом Гессом. Гесс писал, что вопрос о централизации у «праведного народа» совсем не может быть поставлен. Это была одна из тех надуманных, лишенных всякого конкретного содержания конструкций, которые Маркс позднее представил как главное зло младогегельянцев: «Философия серьезно должна протестовать против того, чтобы ее смешивали с измышлениями. Выдумка о народе «праведном» так же чужда философии, как выдумка о «молящихся гиенах» чужда природе».

Полемика в печати явилась также причиной постановки Марксом вопроса, которым он не занимался еще достаточно основательно, как можно судить по статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»», датируемой 16 октября 1842 года. «Рейнская газета» опубликовала отчет о конгрессе ученых в Страсбурге и коснулась при этом отношений между неимущими и «средними классами». В другом сообщении она рассказала об отношениях в области найма в Берлине. Для аугсбургской «Allgemeine Zeitung» это было достаточной причиной, чтобы выступать против «Рейнской газеты», как «прусской коммунистки». Главный упрек, который Маркс выдвинул против сочинения аугсбургской «Allgemeine Zeitung», в тех условиях имевшего характер доноса, был знаменателен для него: «Значение коммунизма заключается-де не в том, что он составляет в высшей степени серьёзный современный

вопрос для Франции и Англии. Коммунизм имеет *европейское значение* уже потому, что аугсбургская газета использовала его ради фразы». Он упрекает газету в том, что она свела к пустякам дело, которое не может быть так представлено: «Мы не обладаем искусством *одной* фразой разделываться с проблемами, над разрешением которых работают *два* народа». Хотя Маркс и знал о существовании теорий коммунизма, но то, что ему было известно о коммунизме в самой Германии, скорее вызывало недоверие, чем симпатию. Причина этого, как сказал Маркс аугсбургской «Allgemeine Zeitung», крылась в том, что «в Германии коммунистические принципы распространяются не либералами, а вашими *реакционными* друзьями» (друзьями аугсбургской «Allgemeine Zeitung». — *Г. М.*). С зарубежными коммунистическими теориями Маркс был знаком, хотя еще очень поверхностно: ««Rheinische Zeitung», которая не признаёт даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, ещё менее может желать их *практического осуществления* или хотя бы считать его возможным, — «Rheinische Zeitung» подвергнет эти идеи основательной критике. Но что такие произведения, как труды Леру, Консидерана, и, в особенности, остроумную книгу Прудона нельзя критиковать на основании поверхностной минутной фантазии, а только после упорного и углублённого изучения, — это признала бы и аугсбургская кумушка, если бы она хотела чего-либо большего и была способна на большее, чем салонные фразы». О чем другие, с кем Маркс, может быть, равнялся по знаниям, если даже не превосходил их в этом, судили только по слухам, о том Маркс не позволял себе судить прежде, чем изучит дело, о котором идет речь, основательнейшим образом. Притом, то немногое, что он сказал, свидетельствует о меткости его оценки и о его творческом уме, который постоянно критически перерабатывает то, что усвоил. Из «коммунистических идей в их теперешней форме» благодаря Марксу получилось нечто совсем другое, чем то, что он нарисовал аугсбургской «Allgemeine Zeitung»: «Мы твёрдо убеждены, что по-настоящему *опасны* не *практические опыты,* а *теоретическое обоснование* коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут *массовыми,* могут ответить *пушками,* как только они станут опасными; *идеи*

же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им».

С особой силой мысль о значении теории для борьбы пролетариата выражена В. И. Лениным в его работе «Что делать?»: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» [1].

Когда Маркс писал аугсбургской «Allgemeine Zeitung» о своем недостаточном знании теории коммунизма, он уже знал, что выработка революционной теории дает прочную основу политическому движению. В момент его полемики с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» ему еще не было ясно, что в Германии настало время для выработки коммунистической теории и что буржуазно-демократическая теория, которую он пытался утвердить, уже не отвечает классовым отношениям.

Но благодаря своим корреспонденциям он столкнулся с социальными вопросами. В ряде статей, написанных в период с конца октября до начала ноября 1842 года, он изложил проходившие в рейнском ландтаге «Дебаты по поводу закона о краже дров». Здесь же им было выражено отношение еще к одному, более общему политическому вопросу: «Излагая дебаты ландтага по поводу закона о краже, мы тем самым излагаем и *дебаты ландтага о его призвании к законодательству*». Ландтаг в качестве законодателя выглядел так же жалко, как и в «Дебатах о свободе печати».

В своих статьях он стал адвокатом бедняков, для которых не находилось защитников. Собственно говоря, Маркс показал в поражающей социальной картине, которую он набросал, антагонизм между полуфеодальными государственными отношениями и пробивающимися капиталистическими правовыми отношениями. Но этого он тогда еще не видел. На его понимании права и государства сказывалось еще влияние Гегеля и это понимание было абстрактным: «Государство может и должно сказать: я гарантирую право от всяких случайностей. Только право во мне и бессмертно, и потому я вам доказываю смертность преступления тем, что уничтожаю его. Но го-

[1] В. И. Ленин, Соч. т. 5, стр. 341.

сударство не может и не должно говорить: частный интерес, определённое существование собственности... гарантированы от всех случайностей, бессмертны... Во всяком случае, государство обеспечит ваш частный интерес, поскольку он может быть обеспечен разумными законами и разумными предупредительными мерами, но государство за вашим частным иском к преступнику не может признать другого права, кроме права всех частных исков, — защиты, оказываемой гражданским судопроизводством... Но если бы государство захотело сделать преступника вашим временным крепостным, то оно принесло бы бессмертие права в жертву вашему ограниченному частному интересу».

О том, что частный интерес лесовладельцев, которые хотели, чтобы даже за хищение хвороста накладывался штраф, станет государственным правом завтрашнего дня, государственным правом развивающегося буржуазного общества, Маркс еще не знал. Его сердце билось для бедных и бесправных людей, но он еще не знал, что им нельзя помочь взыванием к праву: «Но мы, непрактичные люди, выдвигаем в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы то, что так называемые историки в своём учёном и ученически послушном лакействе придумали, в качестве настоящего философского камня, чтобы превращать всякое грязное притязание в чистое золото права. Мы требуем для бедноты *обычного права,* и притом не такого обычного права, которое ограничено данной местностью, а такого, которое присуще бедноте во всех странах. Мы идём ещё дальше и утверждаем, что обычное право по своей природе может быть *только* правом этой самой низшей, обездоленной, неорганизованной массы». Но этим Маркс не мог помочь беднякам. Провозглашаемое им обычное право не могло противостоять принятому решению о том, чтобы уже простое собирание хвороста рассматривалось как кража.

Но здесь звучало и другое: «Если всякое нарушение собственности, без различия, без более конкретного определения, есть кража, то не является ли в таком случае всякая частная собственность кражей?» Не начал ли Маркс уже ближе заниматься учениями коммунизма?

Следующим обширным сообщением, в котором шел разговор о социальной проблеме, была статья «Оправда-

ние мозельского корреспондента», напечатанная во второй половине января 1843 года. Мозельские крестьяне находились в ужасной нужде. Со стороны правительства не было сделано ничего, чтобы им помочь. Наоборот, все их попытки найти причины своего тяжелого положения были отклонены администрацией. Их жалобы на то, что продажа вина не приносит им дохода и что они должны были еще доплачивать, не были приняты во внимание. Когда «Рейнская газета» заинтересовалась положением мозельских крестьян, вмешался обер-президент фон Шапер и потребовал точного обоснования фактов, изложенных в «Рейнской газете». В своем ответе Маркс вникал во все подробности. При этом Маркс уже начинает сознавать, что корень общественных пороков необходимо искать в «отношениях»: «При исследовании явлений *государственной* жизни слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и всё объяснять *волей* действующих лиц. Существуют, однако, *отношения,* которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания. Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы не будем искать добрую или злую волю попеременно то на одной, то на другой стороне, а будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица. Раз доказано, что данное явление с *необходимостью* порождается существующими отношениями, то уже нетрудно будет установить, при каких *внешних* условиях оно должно было *действительно* осуществиться и при каких оно осуществиться не могло, несмотря на то что уже имелась потребность в нём. Это можно будет установить с той же приблизительно достоверностью, с какой химик определяет, при каких *внешних* условиях родственные вещества должны образовать химическое соединение».

Статья о мозельских крестьянах привела к запрещению «Рейнской газеты». Решение Маркса о выходе из редакции — «Нижеподписавшийся заявляет, что с этого дня он в силу *существующих цензурных условий* вышел из состава редакции «Rheinische Zeitung». Кёльн, 17 марта 1843 г. ***Доктор Маркс***»,— которое было опубликовано в газете 18 марта 1843 года, не могло уже ее спасти.

В августе 1842 года Маркс писал Дагоберту Оппенхейму, одному из ответственных издателей «Рейнской газеты»: «Правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей» [1]. Маркс об этом не только писал, но и своими действиями способствовал развитию революционной теории.

Вследствие этого он еще больше отдалился от Гегеля и младогегельянцев, о чем Маркс говорит в письме Арнольду Руге от 30 ноября 1842 года: «Как Вы уже знаете, цензура нас ежедневно беспощадно уродует, и нередко газета едва-едва может выйти. Из-за этого погибла масса статей «Свободных». Но и я сам позволил себе забраковать не меньше статей, чем цензор, ибо Мейен с компанией посылали нам кучи вздора, лишённого всякого смысла и претендующего перевернуть мир; всё это написано весьма неряшливо и приправлено крупицами атеизма и коммунизма (которого эти господа никогда не изучали)» [2]. Это было написано через полтора месяца после того, как Маркс стал во главе редакции. В другом месте этого письма он говорит: «Я выдвинул перед ними требование: поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольного любования собой и побольше определённости, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела. Я заявил, что считаю неподходящим, даже безнравственным, их приём — вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, т. е. новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и пр.; я потребовал совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идёт об его обсуждении. Я выдвинул далее требование, чтобы религию критиковали больше в связи с критикой политического положения, чем политическое положение — в связи с религией, ибо это более соответствует самой сути газетного дела и уровню читающей публики; ведь религия сама по себе лишена содержания, её истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращённой реальности, *теорией* которой она является, она гибнет сама собой. Наконец, я предложил им, что если уж говорить о

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 250.

[2] Там же, стр. 251.

философии, то пусть они поменьше щеголяют *вывеской* «атеизма» (что́ напоминает детей, уверяющих всякого, желающего только их слушать, что они не боятся буки) и пусть лучше они пропагандируют содержание философии среди народа»[1].

Марксу нужен был еще только один решительный теоретический шаг, чтобы полностью отбросить идеализм.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 252 — 253.

ПЕРЕХОД МАРКСА К МАТЕРИАЛИЗМУ И КОММУНИЗМУ

«К критике гегелевской философии права» (март — август 1843 года) [1]

После выхода из редакции «Рейнской газеты» Маркс переселился в Крёйцнах. Здесь он изучает, как видно из его черновиков, многие труды по немецкой истории и по истории Франции и Англии. Здесь же, используя накопленный опыт, он полемизирует с Гегелем, начав с критики гегелевской философии государственного права.

Следовательно, Маркс здесь критикует не основные теоретико-познавательные положения, не общее содержание гегелевской философии, а часть ее, связанную с вполне конкретным явлением — государством. Это критическое исследование государственного права Гегеля и привело Маркса к необходимости опрокинуть гегелевский идеализм.

«Важно то, — замечает Маркс, — что Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле, как, например, «политическое умонастроение», превращает в предикат». Это обнаруживается в следующем: «В *субъекты* превращаются: *абстрактная действительность, необходимость* (или субстанциальное различие), *субстанциальность,*— следовательно, *абстрактно-логические категории*». Это должно было служить препятствием для Маркса, который рассматривал логику как инструмент для оценки конкретных отношений. У Гегеля было как раз наоборот: «Не логика служит для обоснования государства, а государство — для обоснования логики».

И так было со всем. «Вместо понятия государственного строя, — пишет Маркс, — мы имеем строй понятия»; это означает, что Гегель, вместо того, чтобы показать, как

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 219—368.

государственный строй осуществляется в действительности общественной жизни, какие силы поддерживают такой государственный строй и чьею милостью или немилостью определяются законоположения государственного строя, которые создают «строй понятий», вместо этого он разлагает понятие на составные части, не заботясь о том, находится ли оно в соответствии с действительностью.

Это явствует из сопоставления, которое делает Маркс для того, чтобы раскрыть различного рода оценки государственного суверенитета — сначала у обыкновенного смертного, потом у Гегеля. Что же думает обыкновенный смертный, *«обыкновенный человек»,* когда он употребляет выражение суверенитет? *«Обыкновенный человек»* говорит:

«Монарх обладает суверенной властью, суверенитетом». А что говорит Гегель?

«Суверенитет государства есть монарх». Различие налицо. Обыкновенный человек говорит правильно, Гегель — неправильно. Чтобы показать яснее, в чем, собственно, состоит ошибка Гегеля, Маркс использует еще один пример: «Подобно тому как не религия создаёт человека, а человек создаёт религию, — подобно этому не государственный строй создаёт народ, а народ создает государственный строй».

Конечно, мысли, высказанные в такой форме, выглядят так, как будто Маркс еще не видел, что при господствовавшем тогда положении народ не создавал и не мог создавать государственный строй. Но роль народа была хорошо известна Марксу. Эта мысль становится ясной в другом месте, так же как становится ясным и то, что положение является как раз таким, каким представлял его Маркс, что дало ему основание предпринять критику гегелевского учения о государственном праве и помогло ему правильно претворить эти знания в жизни «...для установления *нового* государственного строя всегда требовалась настоящая революция», — писал он в одном месте, «точно так же и демократия есть *сущность всякого государственного строя,* социализированный человек как *особая* форма государственного строя», — писал он в другом месте. Но Маркс видел больше: «Характерно здесь только то, что люди, *лишённые всякой собственности,* и *сословие непосредственного* труда, конкретного труда, в меньшей степени являются сословием в граждан-

ском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги». Если историческая миссия пролетариата еще и не была понята, то как производительная основа буржуазного общества пролетариат был уже признан Марксом.

Тем более бессмысленным должен был выглядеть «суверенитет» в гегелевском понимании, согласно которому он был подобен силе абсолютного понятия, персонифицирующейся в определенной личности, в монархе, которая на этом основании должна быть признана и, конечно, не может быть устранена. Маркс остроумно иронизировал: «Гегель доказал, что монарх должен родиться, в чём никто и не сомневается, но он не доказал, что рождение делает его монархом». Это была высказанная в несложной форме решительная критика Гегеля, которого Маркс в другом месте упрекает в *«некритичности»* и *«мистицизме»,* «бессмысленной непоследовательности» и *«начальственном* разумении», что Маркс назвал *«отвратительным»*.

Выступая столь критически против гегелевского учения о государстве, Маркс не только освободил гегелевскую диалектику от идеализма, так что в результате отбрасывания гегелевского идеализма как негодной части была сохранена гегелевская диалектика как необходимая часть, но Маркс коснулся здесь уже и идеализма *в* гегелевской диалектике. Маркс говорил: «Гегель дарует *своей логике политический организм;* он не дает *логики политического организма»*. Маркс критикует здесь Гегеля за то, что он намеревался внести логику в исторический процесс, в то время как надо было сделать наоборот, в самом историческом процессе обозначить его логику или диалектику.

Маркс обнаружил и ряд других недостатков в гегелевском учении о государстве. Гегель считал изменение государственного строя постепенным процессом. Маркс думал наоборот: «Категория *постепенного* перехода, во-первых, исторически неверна и, во-вторых, ничего не объясняет»; таким образом Маркс объясняет необходимость революции.

Итог своей критической полемики с гегелевским учением о государственном праве Маркс выразил следующим образом: «Точно так же подлинно философская критика современного государственного строя не только вскрывает его противоречия как реально существующие, но и *объясняет* их; она постигает их генезис, их необхо-

димость. Она их постигает в их *специфическом* значении. Это *понимание* состоит, однако, не в том, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета».

Только таким образом мог открыть Маркс исторические законы. Работа «К критике гегелевской философии права» явилась той теоретической основой, в результате развития которой Маркс стал последовательным приверженцем дела и идеологии пролетариата и вместе с Энгельсом создал диалектический и исторический материализм.

МАРКС КАК КОММУНИСТ

О «смертном приговоре», вынесенном «Рейнской газете» правительством, Маркс сообщил уже в январе 1843 года в одном из писем к Арнольду Руге, еще за несколько недель до своего выхода из редакции газеты. Маркс не был ни удивлен, ни обескуражен. Он смотрел в будущее дальше, чем большинство его современников. При данных обстоятельствах политическая борьба, которая опиралась исключительно на «Рейнскую газету», уже больше не казалась ему отвечающей времени: «...в закрытии «Rheinische Zeitung» я вижу некоторый *прогресс* политического сознания...» [1], — писал он в письме к Руге. Но этому прогрессу политического сознания в Германии пока еще не сопутствовало никакое действие. «В Германии я не могу больше ничего предпринять. Здесь люди сами себе портят» [2].

Маркс искал место, где бы он мог написать и опубликовать то, что он действительно думал: «Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, считаться с каждой мелочной придиркой» [3]. В течение некоторого времени он предполагал издавать совместно с Гервегом «Немецкий вестник» в Цюрихе. Он всячески стремился найти такое место, где он мог бы свободно и открыто говорить о единстве революционной теории и практики. До осени 1843 года длилась переписка с Руге. Основное содержание ее составляют: литературные планы, размышле-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 255.
[2] Там же.
[3] Там же.

ния, касающиеся издания журналов и возможности их выпуска в том или ином месте. К этому времени относятся также критика гегелевской философии права, явившаяся теоретической основой окончательного разрыва с идеализмом Гегеля, о чем свидетельствует написанная в Крёйцнахе «Критика философии государственного права Гегеля».

В конце концов решение было принято. В ноябре 1843 года Маркс вместе с женой переселился в Париж, оживленнейший центр немецкой политической эмиграции. Здесь в конце февраля 1844 года появился изданный Марксом и Руге первый и единственный том «Немецко-французских ежегодников» (двойной номер). В этом томе были напечатаны две работы Маркса, а также работы Энгельса. «Немецко-французские ежегодники» составили литературную основу дружеского союза двух гениальных людей.

Переписка 1843 года [1]

В качестве введения была помещена «Переписка 1843 года», которая велась между Марксом, Руге, Бакуниным и Фейербахом с марта по сентябрь 1843 года. Эта переписка носила совсем иной характер, чем только что упомянутая переписка между Марксом и Руге. Маркс ссылался на этот раз не на организационно-деловые обстоятельства, а на принципиально политические. Правда, Руге напечатал эту переписку в «Немецко-французских ежегодниках» не полностью, а в отредактированном виде. Несмотря на это, взгляды Маркса совершенно ясны.

Еще в первом письме к Руге Маркс указывал на грядущую революцию [2].

Руге отвечал уклончиво, считая, что мысль о революции в Германии иллюзорна, что немцы «исторически погибли»; в том, что немецкий дух является таким «низким», виновата исключительно «его низкая природа». Маркс решительно выступил против этого столь же прекраснодушного, сколь и неоправданного пессимизма.

Маркс отличает существующий, старый мир от будущего, нового мира. Он нашел более жесткие, чем Руге, слова для «господина» старого мира, «филистера»: «...фи-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 371—381.
[2] Там же, стр. 372.

листер-господин мира только в том смысле, что филистерами, их обществом, кишит мир, подобно тому как труп кишит червями... Филистерский мир — это *мир политических животных*... Филистер — материал монархии, а монарх — всего лишь король филистеров; он не может сделать ни себя, ни своих подданных свободными, настоящими людьми, пока обе стороны остаются тем, что они собой представляют сейчас». В противоположность Руге, Маркса, однако, не сбивает с толку это филистерское государство, в лице которого он прежде всего клеймит позором прусский абсолютизм. «Критика философии государственного права Гегеля» обратила его к практике. Он увидел, что невозможно «уничтожить филистерское государство, оставаясь на его собственной почве». Но если дело обстояло так, то необходимо было как раз создать новый базис, который уничтожил бы филистерское государство. Маркс понимал структуру общества, на что Руге был неспособен. Общество состоит не только из филистеров. Кроме филистеров, эксплуататоров, имелись еще эксплуатируемые, «мыслящее и... страдающее человечество», как их называл Маркс. «Я обращаю Ваше внимание только на то, — писал Маркс Руге, — что враги филистерства, т. е. все те, кто мыслит и страдает, достигли взаимопонимания, — а для этого раньше не было возможности...» Мыслящие и страдающие люди являются носителями революции и одновременно представителями нового мира: «...система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатации людей ведёт ещё гораздо скорее, чем размножение населения, к расколу внутри теперешнего общества, — к расколу, от которого старая система не в состоянии исцелить, потому что она вообще не исцеляет и не творит, а только существует и наслаждается. Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое подвергается угнетению, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства.

Наша же задача состоит в том, чтобы разоблачать старый мир и совершать положительную работу для образования нового мира. Чем больше времени будет предоставлено ходом событий мыслящему человечеству, чтобы осознать свое положение, а человечеству страдающему, чтобы сплотиться, — тем совершеннее будет плод, который зреет

в недрах настоящего». В то время как Руге настоящее сделал будущим, Маркс видел в настоящем как прошедшее, так и будущее, уже отжившее и несущее будущее новое. Он предвидел, что дальнейшее развитие капитализма навязывает человечеству революционное решение в пользу нового.

Ответное письмо Руге было коротким. Он не пускался в дальнейшую полемику, так как не мог опровергнуть замечательную аргументацию Маркса. Но то, что он не смог правильно понять Маркса, обнаружилось некоторое время спустя. Руге не нашел пути, чтобы встать на позицию мыслящих и страдающих людей, а Маркс уже твердо занял эту позицию. В конце своего письма Руге все же просил Маркса высказаться о плане, приложенном к новому журналу «Немецко-французских ежегодников».

Маркс ответил, прислав Руге основные соображения о программе нового политического направления. Изложенная здесь политическая программа — зародыш будущего «Манифеста Коммунистической партии». Новому политическому направлению, пояснял Маркс, не подходит «конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён». Ни с одним видом утопизма Маркс не хотел иметь никакого дела. Для него важна была прежде всего научная точность политических тезисов. Чтобы быть научно точными, эти тезисы должны быть построены на существующих отношениях, с которыми нельзя не считаться. По этому поводу Маркс прямо указывает, что «...преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир». Маркс нашел между тем возможность устранения того далеко идущего разрыва, в котором он раньше обвинял идеализм, — разрыва между теорией и практикой. Общественная теория, действие которой предназначено для общественной практики, должна развиваться из общественной практики. Критическая теория должна активизировать содержащиеся в самой общественной практике критические моменты, чтобы ее критика была действенной. Маркс выдвигал требование *«о беспощадной критике всего существующего,* беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими».

«Философия стала мирской...» — назвал Маркс это начинание. Превращение философии в мирскую, ее превращение в науку состояло, таким образом, в том, что она стала руководством для революционно-практической критики. От этого она не перестала быть теорией, но из теории, ведущей практически к ошибке, она стала теорией, ярко освещающей общественную практику. Владея такой теорией, необходимо также усилить теоретическую борьбу против ложных теорий. Маркс ясно подчеркивал: «Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр.» Здесь Маркс также советовал прежде всего «устанавливать связь» с существующими обстоятельствами, «каковы они есть», — другими словами, новое как теоретически, так и практически должно развиваться из старого, существующего. Отрицание того, что есть, может вытекать только из того, что есть, все другое — чистая фантазия. А отрицание того, что есть, может поэтому вытекать только из него самого, так как отрицающие силы должны существовать в самом данном.

«Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определённой партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринёры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даём ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что́ собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет...

Таким образом, наш девиз должен гласить: реформа сознания не посредством догм, а посредством анализа мистического, самому себе неясного сознания, выступает ли оно в религиозной или же в политической форме. При этом окажется, что мир уже давно грезит о предмете, которым можно действительно овладеть, только осознав его. Окажется, что речь идёт не о том, чтобы мысленно провести большую разграничительную черту между прошедшим и будущим, а о том, чтобы *осуществить* мысли про-

шедшего. И, наконец, обнаружится, что человечество не начинает *новой* работы, а сознательно осуществляет свою старую работу».

Соответственно этой программе Маркс изложил дальнейшую аргументацию в двух своих работах, помещенных в «Немецко-французских ежегодниках»: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение».

К еврейскому вопросу [1] *(август — ноябрь 1843 года)*

Эта работа является замечательным примером революционно-материалистической критики, изложенной в том же духе, как она намечалась у Маркса в его программных требованиях, высказанных в «Переписке 1843 года». Предмет критики — две работы Бруно Бауэра, появившиеся в 1843 году, в которых требование евреев государственно-гражданской эмансипации Бруно Бауэр представил как чисто религиозную проблему. Бауэр предполагал государственно-гражданскую эмансипацию евреев провести путем устранения противоположности между евреями и христианами. «Как сделать *религиозную* противоположность невозможной? Для этого надо *уничтожить религию*», — излагает Маркс мнение Бауэра.

Маркс возражал против этого, указывая на то, что Бауэр совершенно не заметил настоящей проблемы, если он, с одной стороны, требовал, чтобы еврей отказался от иудейства, точно так же, как каждый человек — от исповедуемой им религии, а с другой стороны, принимал политическое упразднение религии за упразднение религии вообще.

Маркс употребил здесь понятие «политическое» в совершенно особом смысле. Под «политическим государством» он понимал именно государство капиталистического общества и аналогично под «политической эмансипацией» — освобождение от средневекового христианского государства. С полным правом Маркс возражал Бауэру, указывая, что последний совсем не принимает во внимание реальные исторические отношения: «Еврейский вопрос получает различную формулировку в зависимости от того, в каком государстве живёт еврей. В Германии, где

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 382—413.

не существует политического государства, государства как такового, еврейский вопрос — чисто *теологический* вопрос. Еврей находится в *религиозной* противоположности к государству, признающему христианство своей основой... Критика является здесь критикой теологии, обоюдоострой критикой — критикой христианской теологии и критикой иудейской теологии. Но мы всё ещё вращаемся в сфере теологии, как бы *критически* мы в ней не вращались». По-другому складываются отношения во Франции, совсем иначе — в Соединенных Штатах Северной Америки, где, как говорил Маркс, «по крайней мере в части их», «еврейский вопрос» потерял «своё *теологическое* значение» и стал «действительно *мирским* вопросом». Вместе с этим изменилась также и проблема критики. Из теологической проблемы она стала проблемой критики политического государства. Этого Бауэр не видел вообще: «Тогда критика становится *критикой политического государства.* Начиная с того пункта, где вопрос перестаёт быть *теологическим,* критика Бауэра перестаёт быть критической».

На основе своих наблюдений Маркс заключал, что завершенная политическая эмансипация и интенсивное религиозное рвение существуют вместе и друг возле друга, «что бытие религии не противоречит завершённости государства», что вследствие этого бессмысленно связывать политическую эмансипацию с упразднением религии.

Религия была для Маркса признаком существующего несовершенства. Где же нужно искать это несовершенство? Не иначе как в сущности государства, отвечал Маркс. В обращении, в котором уже содержится намек на позднейшую критику Фейербаха, Маркс говорит о том, как он понимает религию: «Религия для нас уже не *причина* мирской ограниченности, а лишь её *проявление».*

Здесь мы встречаемся с такими рассуждениями Маркса, в которых последовательно продолжается критика гегелевского государственно-правового учения. Все спекулятивное отбрасывается в сторону. Речь идет только о трезвом познании отношений, каковы они есть, о том, каким образом они образовались и в каком направлении разовьются. Политическое государство, то есть государство гражданско-капиталистического общества, возникло как противоположность средневекового христианского государства, но религия в этом государстве не устраняет-

ся. Критика религии, как ее вели, например, просветители времен французской буржуазной революции, не нанесла религии смертельного удара. Соответственно этому и политическая эмансипация не была еще последним, окончательным освобождением людей. Она должна быть дополнена дальнейшей эмансипацией. Маркс назвал ее человеческой эмансипацией. От политической к человеческой эмансипации можно прийти путем критики политического государства «в его *мирской* форме»: «Вопрос об *отношении политической эмансипации к религии* становится для нас вопросом об *отношении политической эмансипации к человеческой эмансипации.* Мы критикуем бессилие политического государства в отношении религии, критикуя политическое государство в его *мирской* форме, *независимо* от его бессилия в отношении религии».

Маркс рассеял иллюзию о сущности политического государства, государства гражданско-капиталистического общества, и уже здесь основательно разоблачил сущность классового государства, хотя и не употреблял понятия класса: «*Политическое* возвышение человека над религией (предполагается буржуазная революция.—*Г. М.*) разделяет все недостатки и все преимущества политического возвышения вообще. Государство, как государство, аннулирует, например, *частную собственность,* человек объявляет частную собственность *упразднённой* в *политическом* отношении, как только он упраздняет имущественный *ценз* для активного и пассивного избирательного права, как это и произошло во многих штатах Северной Америки. С политической точки зрения *Гамильтон* был совершенно прав, когда он истолковал этот факт в том смысле, что *«простой народ одержал победу над собственниками и денежным богатством».* Разве частная собственность не упразднена в идее, если неимущий стал законодателем для имущего? *Ценз* — это последняя *политическая* форма признания частной собственности».

Маркс объяснил эту иллюзию. Впрочем создание этой иллюзии остается типичным для классовых отношений в буржуазном обществе. Снова и снова до сегодняшнего дня пытается буржуазия сохранить свое классовое господство при помощи такого рода «идеальных упразднений».

«И все же политическое аннулирование частной собственности не только не упраздняет частной собственно-

сти, но даже предполагает её. Государство на свой лад упраздняет различия *происхождения, сословия, образования, профессии,* когда объявляет *неполитическими* различиями происхождение, сословие, образование, профессию, когда провозглашает, не обращая внимания на эти различия, каждого человека *равноправным* участником народного суверенитета, когда рассматривает все элементы действительной народной жизни с точки зрения государства. Несмотря на всё это, государство позволяет частной собственности, образованию, профессии *действовать свойственным им* способом и проявлять их *особую* сущность в качестве частной собственности, образования, профессии. Весьма далёкое от того, чтобы упразднять все эти *фактические* различия, государство, напротив, существует лишь при условии, что эти различия существуют, государство чувствует себя *политическим государством* и осуществляет свою *всеобщность* лишь в противоположность к этим своим элементам».

Подобно тому как средневековое христианское государство не могло выдвинуть требования, чтобы христианство было государственно осуществлено, так и политическая эмансипация не воспринимается как последняя стадия эмансипации, хотя она также означает прогресс по сравнению с предыдущим состоянием. Она не может считаться последней стадией эмансипации, потому что она отделяет общность в государстве от гражданского общества. Опираясь на углубленный анализ «человеческих прав», как они изложены в «Déclaration des droits de l'homme et du citoyen» (Декларация прав человека и гражданина) в 1791, 1793 и 1795 годы, Маркс доказал, что «...государственно-гражданская жизнь, *политическая общность,* низводится деятелями политической эмансипации даже до роли простого *средства* для сохранения этих так называемых прав человека; что таким образом citoyen объявляется слугой эгоистического homme, а сфера, в которой человек выступает как общественное существо, ставится ниже той сферы, в которой он выступает как частное существо; что, наконец, не человек как citoyen, а человек как bourgeois считается *собственно* человеком и *настоящим* человеком».

О так называемых правах человека Маркс говорил потому, что он смог показать, что равенство, свобода и безопасность должны были группироваться вокруг част-

ной собственности: «Речь идёт о свободе человека как изолированной, замкнувшейся в себя монады», «...право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека». Он характеризует поэтому такого человека гражданского общества как «эгоистического человека»; так Маркс приходит к выводу, что «практическое применение права человека на свободу есть право человека на *частную собственность*». Ничто другое не означает равенство, и *«безопасность* есть высшее социальное понятие гражданского общества, понятие *полиции»,* так что цель, найденная Марксом, сводится к тому, что люди в дальнейшем не станут больше отделять от себя «общественную силу в виде *политической* силы».

«К критике гегелевской философии права. Введение» (конец 1843 — январь 1844 года) [1]

Революции не происходят без людей, которые их совершают. Но революция совершается этими людьми согласно исторической необходимости. «Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли».

Вскрывая в статье «К еврейскому вопросу» сущность буржуазного государства и выделяя в ней моменты, требующие объяснения революции как *непрерывной,* Маркс в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» доказал реальную возможность революции в Германии.

Характернейшим признаком политической обстановки в Германии была отсталость страны: «Отвергая немецкие порядки 1843 г., я, по французскому летоисчислению, нахожусь едва ли даже в 1789 г. и уж никак не в фокусе современности». Правда, эта отсталость проявилась в одном отношении: «Мы — *философские* современники нынешнего века, не будучи его *историческими* современниками». Это *«продолжение* немецкой истории в *идее»* было налицо в философии права и государства Гегеля, она была «единственной *немецкой историей,* стоящей al pari * *официальной* современной действительности».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т 1, стр. 414—429.

* На уровне. — *Ред.*

Таким образом, критика должна была решить двойную задачу: «Немецкий народ должен поэтому присоединить эту свою воображаемую историю к существующим у него порядкам и подвергнуть критике не только эти существующие порядки, но вместе с тем и их абстрактное продолжение». Особенность немцев состояла в следующем: «Немцы *размышляли* в политике о том, что́ другие народы *делали*. Германия была их *теоретической совестью*».

Но удовлетворяться теоретической совестью было уже мало. От недостатка активности, от этой подчеркнутой созерцательности необходимо было при всех условиях избавиться: «Уже как решительный противник прежней формы *немецкого* политического сознания, критика спекулятивной философии права погружается не в себя самоё, а в такие *задачи,* для разрешения которых имеется одно только средство — *практика*».

Теоретические и практические предпосылки для этого были налицо. Конечно, больше в принципе, чем в подлинном осуществлении. То, чего еще не хватало, могло быть создано. Путь к этому был проложен и постоянно расширялся. Между тем сам Маркс знал, как теория должна быть приведена в единство с практикой. На эти два решающих вопроса — об осуществлении философии и о носителях философских мыслей, которые уже занимали его во время написания докторской диссертации и правильного решения которых он тогда не знал, — он мог теперь ответить. Материал для ответа на них дала в первую очередь немецкая история как практическая, так и теоретическая.

Германия была «старым миром», то есть она существовала исторически еще в средние века. Немецкая буржуазия в отличие от буржуазии других стран не осуществила «политической эмансипации». Теория политической эмансипации, как она была представлена Гегелем, не могла ни заменить, ни вызвать политической эмансипации. Немецкое бюргерство между тем вследствие прогрессивного развития социальных условий вряд ли еще интересовалось тем, чтобы эмансипироваться политически. Замедление политической эмансипации в Германии привело к тому состоянию, что «...каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлечённым в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королев-

ской, бюрократ — в борьбе с дворянством, буржуа — в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетарий уже начинает борьбу против буржуа». Уже появившийся пролетариат не только привел в ужас немецкую буржуазию, так что буржуазия потеряла интерес к политической эмансипации, но и заставил буржуазию осуществить политическую эмансипацию, хотя уже как устаревшую, так как самим фактом существования пролетариата была поставлена на историческую повестку дня универсальная человеческая эмансипация. Маркс же понимал, как мы видели, и с полным правом, политическую эмансипацию прежде всего как частичный исторический акт освобождения в общей связи человеческой истории. Случилось так, что в Германии должны были совершиться оба вида эмансипации — политическая и человеческая.

Случилось также и то, что Маркс стал сознательным и решительным партийным деятелем и теоретиком пролетариата: «В Германии, напротив, где практическая жизнь так же лишена духовного содержания, как духовная жизнь лишена связи с практикой, ни один класс гражданского общества (который так же, как и везде, в Германии образовался в недрах феодализма. — *Г. М.*) до тех пор не чувствует ни потребности во всеобщей эмансипации, ни способности к ней, пока его к тому не принудят его *непосредственное* положение, *материальная* необходимость, его *собственные цепи*». Этим классом был только что образовавшийся в Германии пролетариат.

Для пролетариата Маркс сделал следующий философский вывод: «...как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие». Поэтому Маркс должен был выступить против *«практической* политической партии» в Германии, так же как против *«теоретической,* ведущей своё происхождение от философии, политической партии». Одни требовали отрицания философии, другие полагали, что очень важно только вести «...*критическую борьбу философии с немецким миром*». Одним Маркс говорил: «...*вы не можете упразднить философию, не осуществив ее в действительности*». Другим он возражал: «...*она* [теоретическая партия. — *Г. М.*] *думала, что можно превратить философию в действительность, не упразднив самой философии*».

Обоим направлениям он противопоставил свое; Маркс

считал, что революция должна происходить в философии; при этом он сделал из философии революционное руководство к действию. «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

«Критические заметки» *(август 1844 года)* [1]

В августе 1844 года в парижском «Vorwärts» появилась статья Карла Маркса «Критические заметки к статье «пруссака» «Король прусский и социальная реформа»». В этой статье открыто проявился конфликт с Арнольдом Руге, так как автором статьи, подписанной именем «пруссак», был Арнольд Руге. Руге посвятил свою статью восстанию силезских ткачей. Для него восстание ткачей было проблемой местной нужды и благотворительности. Он не придавал ему политического значения. Руге оценивал положение в Германии по-прежнему пессимистически, так же как и в «Переписке 1843 года». В Германии, по его мнению, будто бы не стояли на повестке дня политические вопросы, будто бы рабочего вопроса *«до сих пор ещё* не коснулась всепроникающая *политическая* душа». Его положения выливаются в утверждение, которое Маркс характеризует как «фразу»: *«Социальная революция без политической души* (т. е. без организующей идеи, которая исходит из точки зрения целого) невозможна».

Маркс выразил в своей полемике против Руге в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» свое мнение по этому поводу, в особенности свой взгляд на «отношение «немецкого общества» к социальному перевороту» и на «превосходные задатки для социализма, имеющиеся у немецкого пролетариата». Его критика Руге является примером партийности, с позиций которой он взялся за дело пролетариата, после того как неопровержимо обосновал историческую миссию пролетариата, которую не в состоянии выполнить никто иной, кроме самого пролетариата. Франц Меринг был не прав, когда упрекал

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 430—448.

Маркса в том, что «...и по содержанию его полемика, кажется, иногда идёт мимо цели, а именно в его историческом суждении о восстании силезских ткачей, согласно нашему сегодняшнему пониманию, Руге судил правильнее, воспринимал его, как голодный мятеж, который скорее должен препятствовать политическому развитию, чем требовать его» [1]. Меринг понимал существо проблемы так же мало, как и Руге.

Маркс в «Немецко-французских ежегодниках» выдвинул и обосновал положение, почему «политическая эмансипация» в Германии, не осуществленная немецким бюргерством, должна была расшириться до «человеческой эмансипации». Такова была историческая ситуация, которая категорически требовала осуществления эмансипации подобного рода. Развитие капиталистического, гражданского общества в Германии так далеко пошло вперед в экономическом отношении, что буржуазия, которая до сих пор оставалась нереволюционной, теперь, когда на исторической арене появился пролетариат, тем более останется нереволюционной. Дело революции в Германии было делом пролетариата.

Восстание силезских ткачей было первым пролетарским восстанием, которое разразилось в Германии. Маркс подчеркивает, «что *ни одно* из французских и английских рабочих восстаний не имело столь *теоретического* и *сознательного* характера, как восстание силезских ткачей». Он поясняет далее: «Прежде всего, вспомните *песню ткачей*,* этот смелый *клич* борьбы, где нет даже упоминания об очаге, фабрике, округе, но где зато пролетариат сразу же с разительной определённостью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности. Силезское восстание *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания *кончают*, — тем именно, что осознаётся сущность пролетариата». И еще раз он провозглашает: «Следует признать, что немецкий пролетариат является *теоретиком* европейского пролетариата, подобно тому как английский является его *экономистом*, а французский — его *политиком*. Необходимо признать, что Германия в та-

[1] Aus dem literarischen Nachlaß von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale, 2. Bd., Stuttgart, 1902, S. 29.

* К. Маркс имеет в виду революционную песню «Кровавая расправа».— *Прим. ред.*

кой же мере обладает *классическим* призванием к *социальной* революции, в какой она не способна к революции *политической*. Ибо подобно тому как бессилие немецкой буржуазии есть *политическое* бессилие Германии, так и способности немецкого пролетариата — даже независимо от немецкой теории — представляют собой *социальную* способность Германии. Несоответствие между философским и политическим развитием Германии не есть какая-то *аномалия*. Это — необходимое несоответствие. Философский народ может найти соответствующую ему практику лишь в социализме; следовательно, лишь в *пролетариате* найдёт он деятельный элемент своего освобождения». Гневно пишет он Руге: «Для мыслящего и любящего истину человека, перед лицом первого взрыва силезского рабочего восстания, задача состояла не в том, чтобы разыгрывать по отношению к этому событию роль *школьного наставника,* а, наоборот, в том, чтобы изучать его *своеобразный* характер. Для этого требуется, конечно, некоторая научная проницательность и некоторая любовь к людям, тогда как для первой операции вполне достаточно более или менее ловкой фразеологии, пропитанной пустым себялюбием». Здесь было ясно сказано как о самом событии, так и об отношении к Руге.

Необходимый партийный подход для пролетариата Маркс считал во всякое время высшим требованием нового направления. Пролетариат занимал такое положение внутри общества, которое воплощало физически и духовно единство между теорией и практикой. Поэтому вывод Маркса звучал иначе, чем вывод Руге: «Но если *социальная революция с политической душой* — парафраз или бессмыслица, то *политическая революция с социальной душой* имеет разумный смысл. *Революция* вообще — *ниспровержение* существующей власти и *разрушение* старых отношений — есть *политический акт*. Но *социализм* не может быть осуществлён без *революции*».

Позднее, в 1859 году, в предисловии к своей работе «К критике политической экономии» в связи с кратким и сжатым изложением своего научного развития, как результата «критического пересмотра гегелевской философии права» Маркс пришел к выводу, что «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они ко-

ренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называет «гражданским обществом»...[1]

«В критических заметках» в ряде мест новый способ воззрения возвысился до весьма существенных положений, которые надо рассматривать как зародыши более поздних обстоятельных теоретических исследований.

Одно из рассуждений относится к отношению между формой и сущностью государства: «Там, где существуют политические партии, каждая партия видит корень *всякого* зла в том, что вместо неё *у кормила правления* стоит другая, враждебная ей партия. Даже радикальные и революционные политические деятели ищут корень зла не в *сущности* государства, а в данной определённой *государственной форме,* которую они хотят заменить *другой* государственной формой». При этом речь идет об основном понимании проблемы государства и о разоблачении формализма внутри буржуазной «демократии».

Другое замечание касается проблемы стихийности и сознательности, проблемы, сводящейся к необходимости внесения социалистического сознания в пролетарское движение: «Мысль, что *общественная нужда* порождает *политический* рассудок, до такой степени неверна, что верным является, наоборот, противоположное утверждение: *общественное благополучие* порождает *политический* рассудок. *Политический* рассудок — спиритуалист, и даётся он тому, кто уже имеет кое-что, кому уже недурно живётся на свете».

И, наконец, следует упомянуть еще о дальнейшем развитии теории государства, которое Маркс дает в конце своей статьи. «Но там,— говорит Маркс,— где начинается его [социализма. — *Г. М.*] *организующая деятельность,* где выступает вперёд его *самоцель,* его *душа,* — там социализм отбрасывает *политическую* оболочку». Здесь имеется в зародыше та теория, которая позднее приобретает основное значение в марксизме, теория отмирания государства. Маркс, став коммунистом, начинает новый период своей деятельности.

---

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

НОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ КАРЛОМ МАРКСОМ

Для того чтобы можно было подойти к вопросу о том, как обстояло дело с философией до Маркса, мы должны прежде всего ответить на другой вопрос, почему собственно речь идет о философии.

То, что основные понятия, которыми пользуются люди, с самого начала становятся определенными по своему содержанию, особенно важно при философских исследованиях, потому что здесь в такой мере, как нигде, употребляемые понятия вызывают у различных людей представления, находящиеся в самом незначительном соответствии друг с другом. Это начинается в самом понятии философии. Если в дальнейшем речь пойдет о философии, то под этим прежде всего нужно понимать, употребляя выражение Маркса, то, как мыслящая голова осваивает мир. Это можно охарактеризовать также как теоретическую обработку действительности в человеческом сознании.

Маркс занимался этой проблемой в написанном в 1857 году, но в то время не опубликованном, введении к своей «К критике политической экономии» в разделе «Метод политической экономии». Здесь Маркс обратил внимание на то, что освоение мира мыслящей головой человека отличается от художественного, религиозного или практически-духовного освоения мира [1].

Например, в искусстве освоение мира происходит не без участия мыслящей головы художника, а, так сказать, через эту мыслящую голову вплоть до обновленного воплощения действительности в художественном произведении. Живое существо из плоти и крови, с чувствами и

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 214.

мыслями, Мона Лиза, является нам заново воплощенной в портрете Леонардо да Винчи. Портрет Моны Лизы есть выражение художественного освоения действительности. Только воплощением в портрете завершается процесс освоения.

Примером практически-духовного освоения мира может служить техника. Техника вырастает из познания законов природы и их материального воплощения в технических достижениях. Здесь процесс освоения заканчивается только созданием инструментов, зданий, машин и т. п. Простейший инструмент так же, как и сложная машина, является материальным воплощением природных сил.

Мыслящая голова человека осваивает мир с помощью понятий, положив в основу образования понятий воззрения и представления. Она представляет мир с помощью понятий. Образованием понятий завершается процесс воплощения.

Новое обоснование философии Карлом Марксом прямо вытекает из критического освещения этой естественной основы человеческого сознания.

История возникновения этой марксовой критики, развитие которой было предметом предыдущего исследования, является одной из неизвестных до сих пор, но важнейших глав развития философии.

Но эта марксова критика становится понятной лишь тогда, когда мы ее сможем отделить от домарксистской философии. Это хорошо может быть пояснено на примере двух понятий, которые играют важную роль в философии, хотя они имеют значение не только для философии, — это понятия «метод» и «теория».

Метод — это способ действия, необходимый для достижения определенной цели.

Эта цель была обозначена как освоение мира человеком.

Вся жизнь человеческого общества представляет постоянное освоение действительности в наиболее широком смысле, такое освоение, которое распространяется на различные области. Но это освоение действительности всегда связано с изменением действительности человеком.

Легче всего рассматривать это на только что упомянутом примере практически-духовного освоения действительности в области техники. Материальное воплощение, которое завершает процесс освоения, представляет собой

непосредственное изменение действительности. И художественное воплощение действительности есть одновременно ее изменение. Но как обстоит дело в мыслящей голове? Понятия никогда не изменяют действительности.

Здесь возникает проблема кажущегося несовпадения, кажущегося глубокого несоответствия понятий и действительности, теории и практики.

Величайшей заслугой Маркса является то, что он перекинул мост через эту зияющую пропасть между теорией и практикой, чего не удалось сделать всей философии до него. Он был первым, кто решил кардинальную философскую проблему связи теории и практики, отведя мыслящей голове подобающее ей место в общественной жизни. Все затемняющие попытки буржуазной философии после Маркса, как в доимпериалистический, так и в империалистический период, носят в противоположность достигнутому Марксом прогрессу абсурдный и гротескный характер.

Так как освоение действительности человеческим обществом есть изменение действительности, вопрос о том, как происходит освоение действительности, то есть вопрос о методе, должен рассматриваться как главный вопрос. В связи с этим сейчас же возникает следующий вопрос, а именно — разрушает изменение или сохраняет, ускоряет или замедляет, или совсем уничтожает это развитие. Люди изменяют действительность, ибо они являются трудящимися, то есть активными, действующими существами. Далее, люди действуют сознательно. При сознательных действиях поступки и мысли связаны между собой. Каков род их отношений? Своеобразие этих отношений, как это вытекает из только что изложенного, очевидно, заключается в том, что предшествующее знание действительности проявляется в проникновении в действительность.

Было бы ошибочным преувеличенно подчеркивать роль сознания, приписывать не присущие ему особые права приоритета: «Людей можно отличать,— писали Маркс и Энгельс,— от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни,— шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни (под которыми Маркс и Энгельс здесь понимали все, что служит средством сохранения и улучше-

ния жизни.— *Г. М.*), люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь»[1]. Таким образом, исторически исходной точкой является труд. И всякий преходящий опыт, который не минует достигаемой цели, достаточно показывает, что сознание не может быть первичным.

Но люди, бесспорно, являются сознательно действующими существами, и этот вопрос всегда занимал Маркса — как в ранний период, так и позднее.

В «Рейнской газете» в статье «Дебаты о свободе печати», говорится: «К тому же к свободе относится не только то, *чем* я живу, но также и то, *как* я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно. В противном случае архитектор отличался бы от бобра лишь тем, что бобр — это архитектор, покрытый шкурой, а архитектор — это бобр, не имеющий шкуры»[2]. Этот вопрос «как» и есть вопрос о методе. Чтобы делать что-то свободно, человек должен сознавать критерий свободы. Так как этот критерий может содержаться только в практике, теория и практика должны быть объединены. Критерием свободы, на который позднее указывал Энгельс, является необходимость. Эта необходимость является, однако, не абстрактной, а конкретной. Она содержится в действительности и должна раскрываться в ней. Возникает вопрос: как это происходит? Не ответив на этот вопрос, человек не может претендовать на то, чтобы его рассматривали как человека; человек-архитектор подобен тогда бобру без шкуры, так же как и, наоборот, бобра можно назвать архитектором, однако со шкурой. В первом томе «Капитала» в 1867 году Маркс еще раз затрагивает эту проблему на подобном же примере: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове»[3]. Однако это отличие накладывает на человека особую ответственность. И из этой перспективы вытекает решительное заострение проблемы. Маркс следующим образом говорит об этом в одном из писем к Энгельсу в 1868 году: «Вывод таков, что культура, если она разви-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 68.
[3] К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 185.

вается стихийно, а не *направляется сознательно,* ...оставляет после себя пустыню»[1].

Фактически освоение действительности является одновременно ее изменением, и тогда приобретает решающее значение вопрос, как осваивается и одновременно изменяется действительность. Вопрос о правильном методе можно назвать жизненно важным вопросом.

Критерий правильности метода может вытекать только из самой практики.

Практика показывает нам, что действительность находится в постоянном изменении. Если бы в действительности не господствовал принцип изменения, человек не смог бы никогда одновременно с освоением действительности изменять ее. Следовательно, тот метод будет правильным, который может применяться в действительности соответственно происходящим изменениям.

Этот метод, дающий возможность познать всеобщие законы действительности, является диалектическим. Он тем самым позволяет действовать с сознанием ответственности.

Потребовались века, пока философия более или менее широко познала задачу развития этого правильного метода, и Гегель, который эту задачу по крайней мере поставил, был далек от того, чтобы правильно ее решить. Однако он, как замечает Энгельс, представил «весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, то есть беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии» и сделал попытку «раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития»[2]. Но Гегель не мог решить эту задачу, потому что он был идеалистом.

Теперь мы переходим к понятию теории. Если освоение действительности мыслящей головой, то есть философское освоение действительности, определяется как освоение действительности в понятиях и удовлетворяется воплощением этой действительности в них, не требуя осуществления понятий, тогда это понимание содержит в себе существенно опасный момент.

Дело заключается в том, что мыслящая голова считает этот мир, постигаемый ею в понятиях, подлинной, истинной реальностью и забывает о том, что реальность, кото-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 202.

[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

рая осваивается ею в понятиях, существует вне и независимо от мыслящей головы и представляет собой причину образования понятий в голове человека.

Теоретико-познавательное истолкование процессов, происходящих в мыслящей голове, называется теорией.

Реальность, существующая независимо и вне человеческого сознания со всеми ее сторонами и происходящими в ней процессами, объединяется в понятии материи. Все те направления в философии, которые признают приоритет материи по отношению к духу, причем под духом понимается все человеческое мышление, характеризуются как материализм. «Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein]» [1], — говорили Маркс и Энгельс. Происходящее в многообразных формах абсолютизирование мышления, превращающее его в единственную реальность или в творца кажущейся реальности, и теоретико-познавательное утверждение в этой связи о приоритете духа над материей характеризует идеализм в философии.

Оба эти основополагающие философские направления, материализм и идеализм, вели борьбу как сотни лет назад, так и тогда, когда Маркс начал заниматься философией, а именно в конце тридцатых годов, в форме гегелевского идеализма и фейербаховского материализма.

Философское развитие Маркса шло не просто от гегелевского идеализма к фейербаховскому материализму, тем более не так, что якобы заимствованный у гегелевской философии диалектический метод был добавлен к фейербаховскому материализму. Революция в философском мышлении, которая здесь совершилась, выросла из критического расхождения с Гегелем, в особенности в 1843—1844 годы, при этом идеалистическая диалектика Гегеля была в основе своей переработана, и сохранилось только ее «рациональное зерно» [2]. Затем последовало критическое расхождение с материализмом Фейербаха, особенно в 1845—1846 годы. При этом Маркс не отошел от материализма, а поднял материализм Фейербаха, который был непоследовательным и недостаточным, на более высокую ступень. В этом смысле Ленин говорил: «Философия Маркса есть законченный философский материа-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 19.

лизм...» [1] Отсюда вытекает положение Ленина, что марксистская философия сделала вывод из всемирной истории философии.

Дальнейшее развитие философии со времени Маркса и Энгельса могло происходить только на основе созданного ими диалектического материализма. Эту работу продолжили Ленин и Сталин, которые творчески развили диалектический материализм и при этом обогатили его многими новыми ценными знаниями. Но они не удалили ни одного камня из философского фундамента, заложенного Марксом и Энгельсом, и не заменили его каким-либо другим. Это свидетельствует о прочности того, что Маркс, частью совместно с Энгельсом, сделал в области философии до 1846 года.

Почему речь шла о критике Гегеля и каково было рациональное зерно гегелевской диалектики?

Гегель — представитель идеалистической теории, для него мышление является истинной действительностью. Поэтому история развития действительности является для него историей развития идеи. У него из субъективного возникает объективное, а объективное он превращает в субъективное. В своем произведении «Святое семейство» Маркс и Энгельс раскрыли на простом примере идеалистическую сущность гегелевской диалектики. Для Гегеля существуют не яблоки и груши, а только понятие «плод». Но как может абстрактное понятие «плода» создать отдельные конкретные плоды: яблоки или груши? Гегелевская идея и вообще всякая идея есть не что иное, как продукт мыслящей головы, а не наоборот — мыслящая голова является продуктом какой-либо идеи.

«Мистификация, — говорил Маркс, — которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину её общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо её поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [2].

Энгельс делает такой вывод в «Анти-Дюринге»: «Диалектика же есть не более, как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 19.

мышления»[1]. Таким образом, Энгельс указывает здесь на реальные законы движения и развития, которые действуют в природе, в человеческом обществе и человеческом мышлении и которые научно отражаются в человеческом сознании в форме понятий диалектики.

То, что Гегель, несмотря на его идеализм, смог представить всеобщие формы движения диалектики, объясняется тем, что производство понятий имеет причиной материальную действительность, существующую независимо от той или иной мыслящей головы. Каждый идеалист, так же как и Гегель, забывает только — а некоторые даже отрицают вопреки лучшим намерениям, — что их понятия представляют собой результат предшествующего освоения этой действительности. Ибо действительность в своем развитии и движении отражается в каждом случае в понятиях. Гегель рассматривал понятия не метафизически, то есть не изолированно друг от друга, не как не связанные между собой, застывшие и неподвижные, а как находящиеся в движении, поэтому исследование понятий смогло привести его к правильным результатам. Он как бы частично постиг реальную, находящуюся в движении и взаимосвязи действительность в понятиях, отражающих эту связь и дающих ее относительную картину. Он как бы еще раз отразил в понятиях данное отражение действительности.

В результате критического рассмотрения данного круга вопросов Маркс приходит к двум основополагающим выводам.

Один из них излагается в разделе «Критика гегелевской диалектики и гегелевской философии вообще» «Экономическо-философских рукописей». Этот вывод приводит одновременно к критически-материалистическому объяснению гегелевского основного понятия, которым Маркс еще раньше очень интенсивно занимался, как любой младогегельянец,— понятия «самосознания». Понятие самосознания, как его объяснял Гегель в своей «Феноменологии духа», отражало реальные общественные отношения, хотя самим Гегелем это не было осознано. Гегель различал два проявления самосознания. Это так называемое самостоятельное самосознание и несамостоятельное самосознание. В своем, часто пластическом способе выра-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 133.

жения, Гегель называл самостоятельное самосознание господином, а несамостоятельное самосознание — рабом. Несамостоятельное самосознание, или раб, обрабатывает осознанное в самосознании бытие для самостоятельного самосознания, или господина, так что господин только наслаждается бытием, обработанным рабом.

Здесь под идеалистической абстрактной оболочкой заключена неясно выраженная, если можно так сказать, деятельная сторона человека, а именно труд, благодаря которому раб обрабатывает для господина бытие. В процессе труда мыслящая голова приходит к осознанию реальных общественных отношений, отношений эксплуататора к эксплуатируемому, господина к слуге, совершенно абстрактных у Гегеля.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс занимаются проблемой общественных отношений, отражающихся в человеческом сознании.

В «Экономическо-философских рукописях» Маркс интересуется другой проблемой. «Гегель рассматривает, — говорит Маркс, — самопорождение человека как процесс», а «истинного... человека как результат его *собственного труда...*» [1] Отсюда вытекает, как поясняет далее Маркс, что «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии. Он рассматривает *труд* как сущность, как подтверждающую себя *сущность* человека». Правда, Маркс критически замечает: «Гегель знает и признаёт только один вид труда, именно *абстрактно-духовный* труд» [2].

Это критическое разногласие с Гегелем стало основой дальнейшего развития диалектического материализма Марксом и Энгельсом.

Материалистическая переработка Гегеля сделала возможной правильную оценку отношения между человеческим обществом и природой, данную впервые в истории философии в 1867 году в «Капитале», в том месте, где Маркс определяет труд, как такой обмен веществ между человеком и природой, с помощью которого человек изменят природу и одновременно в процессе этого изменения природы и вместе с ним изменяет и свою собственную природу [3].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 627.

[2] Там же.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 184.

Научная точность этого тезиса не находит себе равной в предшествующей философии.

Из наследства Энгельса мы имеем написанную в 1876 году работу: «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», в которой доказывается, что труд является исходным пунктом возникновения и дальнейшего развития человеческого общества.

Отсюда можно понять, какой грандиозный творческий результат был достигнут благодаря материалистической переработке гегелевской диалектики.

Второй основополагающий вывод был сформулирован Марксом в статье «К критике гегелевской философии права. Введение», в период 1843—1844 годов.

Маркс здесь занимается проблемой установления единства теории и практики с помощью философии. Это самая большая и сложная проблема для философии вообще, так как именно философия прежде всего осваивает действительность теоретически, то есть посредством понятий.

Каков же путь от нее к практике? Маркс нашел этот путь.

«...*Человек,* — говорил Маркс, — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо (как его понимали, как это становится ясно, Гегель, а также Фейербах. — *Г. М.*). Человек — это *мир человека*, государство, общество» [1].

Философская критика остается бессмысленной и бесполезной, если она не осуществляется в общественной практике, она никуда не годится, если философская теория не претворяется в общественную практику.

Маркс писал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [2]. Будучи далек от того, чтобы отрицать великую роль идей, диалектический материализм, в отличие от всей предшествующей философии, впервые указывает путь, следуя по которому можно сделать идеи плодотворными в практике общественной жизни. Но этот путь проходит через головы пролетариата: «Подобно тому как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии своё

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414.
[2] Там же, стр. 422.

духовное оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация *немца* в *человека*» [1], — говорится у Маркса. Но тем самым ликвидируется установленная вначале мыслящей головой граница освоения действительности, которая нашла свой мнимый конец в понятиях. Так же и философия через мыслящую голову человека должна вновь осуществляться вне ее. Она осуществляется в жизни самого человеческого общества.

Таким образом, не удивительно, что к такому пониманию деятельной стороны человеческой жизни, человеческих действий, возникшему с помощью материалистически переработанной диалектики, должна присоединяться и критика фейербаховского материализма; однако, несмотря на это, Маркс все же пользовался в значительной мере в качестве материалистически-теоретической основы философией Фейербаха.

Маркс с большим доверием относился к сочинениям Фейербаха и поделился своим мнением о нем. У Фейербаха, который был на четырнадцать лет старше Маркса, появились в 1841 году «Сущность христианства», а в 1843 году «Предварительные тезисы к реформе философии» и «Основные положения философии будущего». В особенности в двух последних работах критика религии была связана с острой полемикой против «спекулятивной философии» Гегеля.

Еще в замечаниях Маркса, сделанных в разделе «Критика гегелевской диалектики и гегелевской философии вообще», составляющего последнюю часть написанных Марксом в 1844 году «Экономическо-политических рукописей», говорится: *«Фейербах* — единственный мыслитель, у которого мы наблюдаем *серьёзное, критическое* отношение к гегелевской диалектике; только он сделал подлинные открытия в этой области и вообще по-настоящему преодолел старую философию» [2]. Причины, в силу которых Маркс не мог ограничиться данной оценкой Фейербаха, обнаружились уже в 1843 году, то есть на год раньше.

В изданном 13 февраля 1843 года сборнике: «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 428.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 622.

цистики» были напечатаны в числе других марксовские «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом», а также фейербаховские «Предварительные тезисы к реформе философии». Издатель «Неизданного» Арнольд Руге послал их Марксу тотчас же после их появления.

Маркс дал в письме к Руге от 13 марта 1843 года следующий разбор фейербаховских «Тезисов»: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной» [1].

Яснее нельзя выразить проявившееся позднее расхождение взглядов Маркса и Фейербаха. Все же в то время Маркс не смог еще сделать никаких принципиальных выводов, но искал решения вскрытой им проблемы в другом направлении: «Но всё наладится, как это было в XVI столетии, когда рядом с энтузиастами природы существовали и энтузиасты государства» [2]. Тем самым Маркс хотел сказать, что он стремился добиться обоснования материалистического учения об обществе, исходя из той же материалистической основы, что и Фейербах, дополнив его полную «природного» энтузиазма односторонность.

Маркс разработал дальше эту проблему и прежде всего в тех работах, в которых начиная с написанной Марксом в марте — августе 1843 года «К критике гегелевской философии права» было освобождено «рациональное зерно» гегелевской диалектики от его идеалистической оболочки.

Уже в этом процессе материалистической переработки гегелевской диалектики ясно проявилась необходимость диалектического завершения, вернее, преобразования фейербаховского материализма.

В период с 1843 по 1844 год Маркс написал «К критике гегелевской философии права. Введение», которая была опубликована в 1844 году в «Немецко-французских ежегодниках». Положив в основу философию Фейербаха, Маркс исходит здесь из мысли, что критика религии, ко-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 257.

[2] Там же.

торая должна рассматриваться как предпосылка для всякой другой критики уже в сущности была завершена в Германии. Следовательно, отныне задача состояла в том, чтобы дальше заняться критикой на этой основе.

В каком же смысле и какой критикой?

Маркс полагал: «*Задача истории,* следовательно, — с тех пор как исчезла *правда потустороннего мира,* — утвердить *правду посюстороннего мира*... Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии* — в *критику права, критика теологии* — в *критику политики*» [1].

Он был уже на пути обоснования другой философии, отличной от фейербаховской. Как бы между прочим и совершенно бессознательно со стороны самого Маркса выявилось отличие марксовского материализма от фейербаховского.

Маркс и Фейербах определяют совершенно по-разному место философии в обществе. Фейербах писал 14 февраля 1843 года в своем предисловии ко второму изданию «Сущности христианства»: «Затем я должен напомнить и о том, что моя книга совершенно вопреки моему намерению и ожиданию проникла в широкую публику» [2]. Совсем иначе писал Маркс в работе «К критике гегелевской философии права. Введение»: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие» [3]. Подобная философия, как ее представил Маркс, хочет быть философией масс и должна распространяться среди народа. Насколько далеко Маркс ушел в этом отношении от Фейербаха, показывает дальнейшее развитие Марксом в его работе «К критике гегелевской философии права. Введение» одной фейербаховской идеи из «Предварительных тезисов к реформе философии». Способ, с помощью которого Маркс воспринимает и видоизменяет мысль Фейербаха, делает очень четкими различия обеих позиций и характеризует в то же время революционную самостоятельность мышления Маркса.

Фейербах искал связи между Францией и Германией. Это можно объяснить вновь возрастающим, начиная с

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 415.

[2] Л. Фейербах, Избранные философские произведения, Госполитиздат, Москва, 1955, т. II, стр. 26.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 428.

1840 года, движением буржуазии в Германии, сильно тяготеющим к Франции, как стране победоносной буржуазной революции с ее более развитыми отношениями. Поэтому в одном фейербаховском «тезисе» говорится: «Подлинный философ, не оторванный *от жизни, от человека,* должен *быть галло-германской* породы... *Сердце,* это женский принцип, это *чувство конечного*, это средоточие материализма — *настроено по-французски.* Голова же — мужской принцип, средоточие идеализма — *по-немецки.* Сердце вызывает революции, голова измышляет реформы; голова приводит в *порядок* вещи, сердце приводит их в *движение»* [1]. Фейербах в начале этого тезиса замечает, что «важнейшими орудиями, органами философии являются: *голова* — источник активности, свободы, метафизической бесконечности, идеализма и *сердце* — источник страдания, конечного, источник потребности, сенсуализма; с теоретической точки зрения это *мысль и созерцание»* [2].

«К критике гегелевской философии права. Введение» Маркса оканчивалась подобной же мыслью о тесной связи между Германией и Францией: «Когда созреют все внутренние условия, *день немецкого воскресения из мёртвых* будет возвещён *криком галльского петуха»* [3]. Но эта мысль была у Маркса выражением не теоретического философствования, а практической, руководимой философией политики. Поэтому он употребляет используемые Фейербахом для обозначения этой связи понятия «голова» и «сердце» не в значении мысли и созерцания, как это делает Фейербах, а «голова» для Маркса — «философия» и «сердце» — «пролетариат»: *«эмансипация немца* есть *эмансипация человека. Голова* этой эмансипации — *философия,* ее *сердце — пролетариат»* [4]. Несмотря на то, что здесь снова обнаруживается подобная же точка зрения в отношении Фейербаха, о которой Маркс говорит в упомянутом письме к Руге, а именно о заблуждениях его в каждом случае, когда он выражает собственное отношение к политике, Маркс тем не менее строит свою критику гегелевской диалектики на основе фейербаховского мате-

[1] Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. I, стр. 125—126.
[2] Там же, стр. 124—125.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 429.
[4] Там же.

риализма. Чем больше эта критика шла к своему принципиальному завершению, тем сильнее завязывался узел. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс снова берет одно из положений Фейербаха и более глубоко исследует его.

Фейербах выдвинул требование: *«Философия должна вновь связаться с естествознанием, а естествознание — с философией.* Эта взаимная потребность, эта связь, коренящаяся во внутренней необходимости, будет продолжительнее, счастливее и плодотворнее по сравнению с *мезальянсом* между философией и теологией, *существовавшим до сих пор»* [1]. Эту связь философии с естествознанием Фейербах обозначил как «антропологию»: «Новая философия превращает *человека, включая и природу* как базис человека, в *единственный, универсальный и высший предмет* философии, превращая, следовательно, *антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»* [2].

Может показаться, что Маркс лишь следовал за этой фейербаховской мыслью, когда он пояснял: «Сама история является *действительной* частью *истории природы,* становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука» [3], в действительности же Маркс в отличие от Фейербаха уже совсем по-другому понимал естествознание.

Маркс видел в естествознании не простое учение, говорящее нам о природе и о человеке, а силу, которая проникает в общественную жизнь: «Даже историография принимает во внимание естествознание лишь между прочим, как фактор просвещения, полезности, отдельных великих открытий. Но зато тем более *практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало её... *Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку» [4].

---

[1] Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. I, стр. 132.

[2] Там же, стр. 202.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 596.

[4] Там же, стр. 595.

У Фейербаха естествознание является теоретическим воззрением и ничем иным, у Маркса оно также и человеческая практика. Понятие «человек» у Маркса означает поэтому нечто принципиально иное, чем у Фейербаха. Для Фейербаха человек — это индивид, его сущность понималась в *«отличии Я и Ты»* [1], чья *«истинная* диалектика» была бы — *«диалогом между Я и Ты»* [2].

Маркс с самого начала уничтожил все преграды, которые до сих пор стояли на пути понимания человеческой сущности. Он охарактеризовал *«общество»* как «...законченное сущностное единство человека с природой...» [3] Научноактивный человек также не может освободиться от этой связи: «Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — но и мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо» [4]. Вывод, следующий из этого рассуждения, определяет человека как общественное существо: «Особенно следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо»* [5]. И еще выразительнее подчеркивается эта общественная природа: «...всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного,* совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением *общественной жизни»* [6].

Уже при простом сравнении взглядов Маркса и Фейербаха, противопоставленных друг другу в приведенных высказываниях, бросается в глаза, что мысль Маркса развивалась совсем в другом направлении. Но хотя Маркс превзошел Фейербаха, оставались невыраженными еще основные отличия.

Прежде всего в 1844 году он завершает критику Гегеля. Это было сделано им в написанном вместе с Энгель-

[1] Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. I, стр. 202.
[2] Там же, стр. 203.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 590.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

сом произведении «Святое семейство», работа над которой была закончена в сентябре 1844 года. Оно было направлено против «святого семейства» младогегельянцев. Кроме критики Гегеля и младогегельянцев, в «Святом семействе» содержится также история развития французского материализма. Эта часть «Святого семейства» свидетельствует об очень глубоком проникновении в проблемы французского материализма, о выяснении и раскрытии его отношения к современному социализму и коммунизму. Ненаучность этого социализма и коммунизма, которую Маркс и Энгельс преодолели обоснованием научного социализма, неизбежно приводила к выводу о теоретической ограниченности всего предшествующего материализма.

Несомненно, что сначала Маркс и Энгельс еще сдержанно относились к Фейербаху, так как он не принадлежал к собственному кружку младогегельянцев. В 1867 году во время одного из посещений находящегося с ним в дружбе доктора Кугельмана Маркс вновь натолкнулся на «Святое семейство», давно уже выпавшее из поля зрения его и Энгельса, он написал 24 апреля 1867 года Энгельсу: «Здесь нашел я опять «Святое семейство», которое он (Кугельман. — *Г. М.)* мне подарил и экземпляр которого он пошлет тебе. Я был приятно поражен, найдя, что нам нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха может показаться теперь смешным» [1]. Несмотря на это, нужно сказать, что историческая оценка Фейербаха отнюдь не дана нигде так преувеличенно, как в «Экономическо-философских рукописях», где Фейербах назван мыслителем, который «...по-настоящему преодолел старую философию» [2]. Автором нижеследующего положения, в котором дается историческая оценка Фейербаха, был Маркс: «Первый [Штраус] взял *за точку отправления спинозизм,* второй [Бауэр] — фихтеанство. Оба *критиковали* Гегеля, поскольку у Гегеля каждый из указанных двух элементов *искажен* вторжением другого, между тем как они довели каждый из этих элементов до его *одностороннего* и, стало быть, последовательного развития. В своей критике оба выходят поэтому *за пределы* философии Гегеля, но вместе с тем оба продолжают оставаться *в пределах* его специ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 404.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 622.

ляции, и каждый из них оказывается представителем лишь *одной* стороны его системы. Только *Фейербах* завершает и критикует *Гегеля,* отправляясь от *гегелевской точки зрения.* Сведя метафизический *абсолютный* дух к *«действительному человеку на основе природы»,* Фейербах завершил *критику религии* и в то же время мастерски наметил *основные черты критики гегелевской спекуляции* и, тем самым, *всякой метафизики вообще»* [1].

Такого рода оценка Фейербаха должна была, конечно, казаться Марксу в 1867 году немного комичной, так как Маркс и Энгельс впервые пролили свет на «всякую метафизику», и это, само собой разумеется, было сделано Марксом сознательно. Ибо Фейербах отнюдь не был в состоянии отразить «действительного человека на основе природы», а, напротив, оставался идеалистом в истории. Он не мог поэтому завершить и критику религии, так как это можно было сделать только с позиций исторического материализма. Хотя явно ограниченным является мнение, что он не дал ничего, кроме «основных черт», и перешел на «гегелевскую точку зрения» в произведении, которое эту гегелевскую точку зрения так же критически доводит до абсурда, как это сделано в «Святом семействе», где она целиком отбрасывается, все же чрезвычайно сомнительно, можно ли увидеть у Фейербаха нечто позитивное.

Прямое критическое расхождение с Фейербахом не заставило себя долго ждать. В 1845—1846 годы Маркс и Энгельс написали «Немецкую идеологию», в первой основной части которой о Фейербахе говорится: «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист. Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга...» [2] «Немецкая идеология» осталась незаконченной и при жизни Маркса и Энгельса — ненапечатанной. «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса, «Тезисы о Фейербахе» Маркса и работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» являются основополагающими документами критики Фейербаха Марксом и Энгельсом.

«Тезисы о Фейербахе» взяты из литературного наследства Маркса. Энгельс нашел их в одной записной книж-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 2, стр. 154.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 44.

ке, куда они, вероятнее всего, были занесены в марте 1845 года. Они были задуманы, как сообщает Энгельс в предисловии к своей монографии о Фейербахе, не более как «...заметки, подлежавшие дальнейшей разработке и отнюдь не предназначавшиеся для печати». Энгельс включил их в качестве приложения, несмотря на появившееся в 1888 году издание его монографии, ибо они «...неоценимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [1]. Это был зародыш диалектического материализма, того мировоззрения, которое стало незыблемым фундаментом марксизма-ленинизма и которое, по словам Сталина, представляет собой «...мировоззрение марксистско-ленинской партии» [2], основу для творческой и постоянно развивающейся и совершенствующейся «...науки о законах развития природы и общества, науки о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, науки о победе социализма во всех странах, науки о строительстве коммунистического общества» [3].

В одиннадцати тезисах о Фейербахе сконцентрирован результат предшествующего критического освоения «...лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма», названных Лениным «тремя источниками» [4] марксизма. Это критическое освоение не могло произойти сразу, оно совершалось этапами, причем эти этапы позволяют понять развивающуюся проблематику. Когда критическое преодоление предшествующего материализма, являвшееся труднейшим и длительным, как мы видели, процессом, который надо было проделать, завершилось, диалектический материализм в своей основе мог считаться созревшим.

Извлечение рационального зерна гегелевской диалектики и неизбежно связанная с этим материалистическая переработка этой идеалистической диалектики стала возможной только тогда, когда Маркс смог опереться на фундамент материалистической теории. Более совершен-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные философские произведения, т. II, стр. 340.

[2] И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

[3] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 54—55.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 4.

ной материалистической теории, чем теория Фейербаха, для этой цели не существовало. Что же оставалось иное, кроме как пользоваться ею? Идеализм гегелевской диалектики во всяком случае не устоял перед последовательным натиском этой теории. Но уже в процессе переработки незаметно для самого Маркса материалистическая теория начала сама изменяться. Существовавший до сих пор материализм в отличие от находящейся в стадии возникновения новой материалистической диалектики отказался от целого ряда определенных проблем. Каким же образом были отмечены эти положения и определены эти проблемы?

Хотя Фейербах называл себя коммунистом, он был им в лучшем случае только в старом, идеалистическо-утопическом, ненаучном смысле. А Маркс был коммунистом в новом, научном смысле, так как он уже в 1844 году окончательно становится на сторону пролетариата. Проблемы, которые должен был решить этот класс, нельзя было разрешить с точки зрения старого материализма; в период, когда на сцену выступил пролетариат, старый материализм оказался бессильным. Переработанная, освобожденная от идеализма диалектика требовала общей, последовательной материалистической теории. Последовательность этой теории должна быть доказана ее распространением на общественную жизнь, но эта последовательная, распространяющаяся на общественную жизнь материалистическая теория в свою очередь могла быть завершена только после того, как развился марксистский диалектический метод, ибо этот диалектический метод был ее неотъемлемой частью.

Отсюда объясняется совокупность отношений между этими обоими элементами в процессе рождения нового мировоззрения, которое, являясь единством диалектического метода и материалистической теории, «уничтожает» предшествующую философию как в смысле использования ее как наследства, так и в смысле отбрасывания ее, наносит смертельную рану идеалистической философии и развивает дальше материализм в качественно новую фазу. Ибо только диалектический материализм является философией, которая может быть с научной точностью применена в общественной жизни человека.

«Тезисы о Фейербахе», «этот гениальный зародыш нового мировоззрения», являются выражением нерушимого

единства диалектического метода и материалистической теории, так же как и нерушимого единства диалектического материализма с историческим материализмом, являющегося распространением диалектического материализма на жизнь человеческого общества и выражением единства теории и практики.

Основополагающее теоретико-познавательное значение тезисов состоит в дальнейшем развитии, усовершенствовании и обогащении материалистической теории общественной практикой как критерием истины.

С этим связано обоснование диалектической логики в «Тезисах о Фейербахе», как такого учения, которое, как указывает Ленин, говорит «...не о внешних формах мышления, а о законах развития... всего конкретного содержания мира и познания его...» [1] и которое, следовательно, образует единство с теорией познания.

Правда, фейербаховский материализм отвечал правильно на основной вопрос философии, а именно на вопрос об отношении мышления к бытию. Мышление для него является отражением существующей независимо от человеческого сознания действительности. Но так как он рассматривал процесс освоения действительности в материалистической теории и с помощью материалистической теории как законченный, практика общественной жизни оставалась для него книгой за семью печатями. Материализм Фейербаха носил спокойный, созерцательный характер. Фейербах не понимал, что достигнутый уровень философского развития властно требовал соединения материалистической теории и диалектического метода. Материалистическая теория Фейербаха не могла установить связь между теорией и практикой. В этом отношении Фейербах ничем не отличался от всего предшествующего материализма: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский, — подчеркивает Маркс в первом тезисе о Фейербахе,— заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме *объекта,* или в форме *созерцания,* а не как *человеческая, чувственная деятельность, практика...*» [2] А во втором тезисе о Фейербахе говорится, что человек должен доказать истинность своего

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 66.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

мышления в практике. Развивая положения, выдвинутые им в работе «К критике гегелевской философии права. Введение», Маркс делает следующий упрек Фейербаху в шестом тезисе: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1]. Тем самым был проложен путь к распространению диалектического материализма на жизнь человеческого общества в форме исторического материализма. Впервые было создано такое философское учение, которое сделало возможным точное научное познание общественных законов и, более того, явилось научным руководством для того класса, который олицетворял будущее общество, именно для пролетариата, класса, который должен вывести человеческое общество из его предыстории в его подлинно человеческую историю, историю, где не будет классовой борьбы, войн и эксплуатации.

Таким образом, Маркс создал материализм диалектический, а диалектику применил материалистически, и это было не простым соединением идеалистической диалектики Гегеля и созерцательного материализма Фейербаха, а действительно революционным переворотом в философии, в результате которого философия приобрела новые знания и принципы, переворотом, который оказал определенное влияние не только на философию, но и на общее развитие общественной жизни человечества.

Развитие Маркса шло от младогегельянства к диалектическому материализму и к распространению последнего на жизнь человеческого общества — историческому материализму, который здесь остался нерассмотренным. Впервые в истории философии философское учение не было ограничено рамками философской школы, а завоевало массы. Впервые в истории философии появилась теория, которая могла дать для всех областей науки и жизни точные, научные основные принципы. Впервые в истории философии философское учение разрешило проблему, как может стать действенным теоретическое освоение действительности в практике общественной жизни, учение, в котором полностью осуществляется единство теории и практики. Впервые в истории философии философия стала общим методом всех наук, наук о природе и обществе,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

развилась и одновременно превратилась в инструмент изменения мира.

Эта великая революция в философии была совершена Марксом в содружестве с Энгельсом в период с 1839 по 1846 годы, когда он полный неустанных стремлений к изучению и к политической борьбе, фактически разрешил с помощью пережившего время метода проблему, которую он поставил приблизительно в 1839—1841 годах, а именно — освободить философию от ее теоретической ограниченности, чтобы сделать ее практической. Философия не должна остановиться на воплощении действительности в понятиях. Она должна найти свое воплощение в науках, искусствах, в политике, короче говоря, во всех областях общественной жизни. Она должна стать материальной силой, которая овладевает всеми людьми.

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [1], — говорится в одиннадцатом тезисе о Фейербахе.

Впервые в истории философии, более того, впервые в истории человеческого общества философия стала орудием изменения мира. Мир изменился при помощи учения марксизма-ленинизма и деятельности его великих представителей. Новое обоснование философии Карлом Марксом глубоко проникло во всю общественную жизнь людей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию 5
Введение 13
Развитие Маркса к революционному демократу 17
Маркс — революционный демократ 31
Переход Маркса к материализму и коммунизму 65
Маркс как коммунист 69
Новое обоснование философии Карлом Марксом 85

Георг Менде

ПУТЬ КАРЛА МАРКСА
ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕМОКРАТА К КОММУНИСТУ

Редакторы: *А. С. ВАСИЛЬЕВ, О. К. КРАСУЛИНА*
Художник *Н. М. Лобанов*. Технический редактор *А. Д. Хомяков*
Корректор *Р. Я. Новик*
Сдано в производство 25 V 1957 г. Подписано к печати 7/IX 1957 г.
Бумага 84×108$^{1}/_{32}$=1,7 бум. л. 5,5 печ.л. Уч.-изд. л. 5,4.
Изд. № 9 3543. Цена 5 р. 25 к. Зак. 464

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

20-я типография Московского городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52.